СКАЗКА
ПРО
ЖИДА ВОРОВАТАГО,
ПРО
ЦЫГАНА БОРОДАТАГО.

Дѣтки, дѣтки, покиньте игрушки, да идите ко мнѣ на ватрушки; а ватрушка моя ни жареная, ни печеная, мучицей не подсыпана, маслицомъ не подправлена; сыру въ ней нѣтъ, и тѣста не бывало — ватрушка моя сказочка скороспѣлочка, писана, переписана, да и мастеромъ печатнымъ на бумагу тиснута; сватъ Демьянъ ее сказывалъ, кума Соломонида слушала, да придакивала; а я, благословясь, уснулъ, да и проспалъ, во снѣ видѣлъ: жида вороватаго, цыгана бородатаго; люди добрые писали, печатали, да листъ къ листу подбирали, одинъ подъ одинъ подшивали — скажите же мнѣ спасибо, дѣтки, что я тихо и смирно спалъ, сказочника Демьяна не перебивалъ, а то бы вамъ не было и сказки: онъ сердитъ; кто разъ его перебьетъ, тому во вѣки вѣковъ,

не то сказки, и присказки не согнетъ! Слушайте жъ вы, не то спите смирно, спокойно; сказки нашей не перебивайте, мнѣ со сватомъ не докучайте.

Похожденіе первое.

Ѣхалъ жидъ вороватый изъ города Шклова въ городъ Бердичевъ. Хотѣлось ему тамъ, на ярмаркѣ, уторговать рублей на сотню; а сказалъ бы онъ спасибо и за десятокъ, не прогнѣвался бы и тысячѣ. Нашъ жидъ вороватый норовомъ таковъ: лапу протягиваетъ за карбованцемъ, за цѣлковымъ, не отступится отъ червонца, не побрезгаетъ и гудзикомъ, т. е. оловянной пуговкой. Ѣхалъ онъ въ Бердичевъ, и спрашиваетъ дорогою батрака своего — а у него батракъ былъ мужичекъ–хохолъ: «А что, Иванъ, нѣтъ ли тутъ по пути гайдамаковъ, по нашему разбойниковъ?» — Какъ не быть, есть, — отвѣчаетъ ему батракъ Иванъ, — и злые; богатыхъ жидковъ рѣжутъ, да прикалываютъ, а нашего брата по головкѣ гладятъ, за то, что жидковъ подвозимъ. — «Какъ же быть», спросилъ опять жидъ вороватый, Ицька

Гобель, «какъ же быть намъ, сердечный дружище, Иванъ?» — А какъ быть? — отвѣчалъ Иванъ, помахивая кнутикомъ своимъ; ты самъ же сказывалъ, что у тебя нѣтъ ни гроша съ собой, что въ мошнѣ звенятъ одни черепки, да битыя стекла; а у меня и подавно, опричь порожняго гаманца да голой кошули, не найдешь ничего; такъ намъ съ тобою и бояться нечего. — «Оно бы и такъ», сказалъ жидъ вороватый, «и истинно такъ, потому, что у меня, кромѣ битыхъ стеколъ, да муравленыхъ черепковъ, дѣткамъ на игрушки, которыми я намедни брякнулъ невзначай, нѣтъ ни шелега; ни дома, ни при себѣ, ни за собой, ни за женой; да только, сердце мое милое, Иванъ, Яне ты мой, у меня семья большая, дѣти, жена и мать и теща, и свекровь и золовка, и бабка и внучата; если я пропаду, сгинетъ со мною сто душъ: подумай объ этомъ, Иванъ, мое золото ненаглядное? Я тебя велю накормить локшанами, наготовитъ хозяйка моя тебѣ юшки, куглей, мановъ и лапшердаковъ, поднесу я тебѣ въ первой корчмѣ горѣлки и вишневки и

терновки и смородиновки, только заступись ты за меня, не давай меня въ обиду гайдамакамъ!» — Хорошо, — отвѣчалъ Иванъ, — полѣзай же ты въ мѣшокъ; я тебя завяжу, а ты лежи смирно; если гайдамаки придутъ, такъ я скажу имъ, что везу битое стекло на ярмарокъ, и они отступятся безъ грѣха; на кой прахъ имъ твои черепки? — «Умная голова!» приговаривалъ Ицька Гобель, и полѣзъ на корачкахъ въ мѣшокъ; «умная голова!» А Иванъ завязалъ его, уклалъ въ бричку, сѣлъ и погналъ тройку въ шлейкахъ. Недалеко онъ проѣхалъ, какъ вздумалъ надъ жидкомъ вороватымъ погулять; закричалъ не своимъ голосомъ: «Стой! куда ѣдешь?» а потомъ самъ отвѣчалъ: «ѣду я въ Бердичевъ на ярмарокъ; а вамъ, честнымъ бурлакамъ, отъ меня поживы не будетъ, нѣтъ со мною добра никакого.» — А что у тебя въ мѣшкѣ? — спросилъ онъ опять самъ себя чужимъ, сиповатымъ, грознымъ голосомъ, и отвѣчалъ не запинаясь: «жидовское стекло; одни черепки да битыя бутылки; везу, не купитъ ли кто, въ Бердичевъ, на

стеклянные заводы, на переплавку.» — Коли такъ, побьемъ, съ горя, жидовское стекло, — сказалъ онъ опять тѣмъ же притворнымъ голосомъ, — ухватилъ кнутовище, и давай лупить бѣднаго жида въ мѣшкѣ на всѣ четыре корки. А жидъ лежитъ не шелохнется, будто у него спина да бока и бебехи на прокатъ взяты, и только приговариваетъ за каждымъ разомъ, что Иванъ его кнутовищемъ погладитъ: дзынь — Иванъ его ударитъ, а онъ дзынь — Иванъ еще разъ, а онъ дзынь — Иванъ и въ третій, и въ пятый, и въ десятый, Ицька дзынь, да и только! Наконецъ, когда Иванъ нашъ натѣшился — а и въ немъ сердце не поливанный кувшинъ, ему хозяина своего жаль стало, тогда онъ сказалъ голосомъ гайдамаковъ: «Полно, кинемъ жидовское стекло въ ровъ, да и въ воду, чтобъ его и духу не было!» Самъ взялъ бѣднаго Ицьку, спехнулъ его съ брички въ лужу, и, переваливая мѣшокъ съ боку на бокъ, приговаривалъ: «эхъ, мелка канава, воды мало; ну, хоть утопить мы стекла жидовскаго не утопимъ, да пусть же по

крайности оно воды наберется, да и такъ, чтобы и на огнѣ не расплавилось.» — Долго же мнѣ кататься по лужѣ, — подумалъ жидокъ вороватый!

Погулявши вдоволь надъ бѣднымъ жидкомъ, отошелъ Иванъ, громко притопывая ногами, въ сторону въ лѣсъ, тихонько воротился, перемолчалъ немного, и сталъ прислушиваться, что жидъ въ мѣшкѣ дѣлаетъ? Этотъ, слыша, что все затихло и гайдамаки убрались, сталъ шепотомъ звать Ивана. «Живъ ли ты, Ицька?» спросилъ Иванъ, развязывая мѣшокъ. — Живъ, живъ, — отвѣчалъ тотъ, доставая башмаки и ермолку изъ грязнаго мѣшка; — а зачѣмъ же ты меня далъ въ обиду, Иванъ, ты бы заступился; меня избили, какъ ледащую кобыленку на пристяжи! — «Хвались», отвѣчалъ Иванъ, «мнѣ хуже твоего досталось, да я молчу; вѣдь я же тебя собой заслонилъ, боковъ своихъ не жалѣя; кнутовище орѣховое по мнѣ самой середкой ходило, а тебя оно только концемъ прихватывало!» — Ну, — сказалъ Ицька, жидъ вороватый, потрепавъ

Ивана братски по плечу, — ну, сердце мое, садись, да поѣдемъ: слава намъ съ тобой, что ладно гайдамаковъ злодѣевъ обманули! — «Какъ намъ съ тобой?» закричалъ Иванъ; «ты лежалъ, какъ зарѣзанный баранъ, да отмалчивался, я тебя схоронилъ, я и выпустилъ, я гайдамаковъ обманулъ; что бы ты, байковый жилетъ, сдѣлалъ безъ меня?» — Нѣтъ, Иванъ, — примолвилъ жидъ вороватый, ставъ одной ногой на приступокъ брички и погрозивъ Ивану пальцемъ, — нѣтъ Иванъ, не грѣши; былъ ты хитеръ, когда вздумалъ сказать, что въ мѣшкѣ жидовское стекло; а кто бы тебѣ повѣрилъ, если бы я не сталъ приговаривать за каждымъ ударомъ: дзынь? гайдамакамъ показалось, что звенитъ битое стекло, и они отступились!

Похожденіе второе.

На бердичевскій ярмарокъ съѣзжаются жиды и поляки, цыгане и москали, татары и калмыки; съѣзжаются съ Подолу и съ Украйны, съ Крыму и съ Черноморья, съ Волги и съ Днѣпра, съ Дону и съ подъ–

Московья, изъ Бессарабіи и съ Литвы, изъ пограничной нѣмечины, изъ Галиціи, изъ города Львова, что по ихнему Лембергъ. А продаютъ тамъ всякую всячину, какъ говорятъ: и ветчину и ржавчину; и покупаютъ то же, и воруютъ то же, всякую всячину, а именно: что попадется. Пріѣхалъ туда верхомъ на краденой кобыленкѣ цыганъ бородатый. Онъ родясь на своихъ лошадяхъ не ѣзжалъ для того, что у него своихъ не бывало. «Мнѣ» говаривалъ онъ, «не изъ чего обзаводиться своими лошадьми, да и хлопотъ съ ними много; а ворованную не такъ жаль, хоть и безъ корму день другой простоитъ, да и продать–то ее можно посходнѣе; за купленою надобно ходить, надо ее беречь, и холить и кормить, да и деньги выручить — она не въ примѣръ дороже краденой обойдется!» И такъ, онъ пріѣхалъ на ярмарокъ на краденой кобыленкѣ верхомъ, съ сыномъ вдвоемъ, продалъ ее и поглядывалъ: не будетъ ли еще гдѣ поживы? Жидъ вороватый, оставивъ рано утромъ батрака Ивана стеречь брыку свою,

надѣлъ праздничный черный халатъ, который прозывался: латка на латкѣ латкой погоняетъ; надѣлъ черные, короткіе лосинные панталоны, которые одновѣрецъ его, скорнякъ Берка, выдѣлалъ ему цѣликомъ изъ телячей шкуры; натянулъ нитянные чулки, стоптанные башмаки, ермолку, изъ которой добывалъ на выварккѣ, по два раза въ годъ, фунтовъ по пяти сала, нахлобучилъ мохнатую шапку, плисовый верхъ которой давнымъ давно моль съѣла и крысы на гнѣзда растаскали; — вырубилъ фейеру, закурилъ краковскую, деревянную трубку, взвалился на куцую клячу и повелъ пару, рыжую да чалую, въ поводахъ, на водопой. А цыганъ бородатый за нимъ, за нимъ, давай улаживать и вглядываться въ клячъ жидовскихъ, будто которая изъ нихъ ему по масти, не то по статямъ приглянулась. «Что ты на чужое добро заришься», спросилъ жидъ, «завидно что ли тебѣ?» — Продай! — сказалъ цыганъ. «Купи», отвѣчалъ жидъ; «у меня, для добраго парня, каковъ ты, завѣтнаго нѣтъ, продамъ,

пожалуй, и раввина!» — Другой жидъ, подслушавъ со стороны послѣднія слова Ицьки, сталъ его за это бранить; по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, не вслухъ такія рѣчи говори; если отецъ Авраамъ услышитъ это, такъ онъ подъ землею перевернется! — «Ницъ не шкодзи, отвѣчалъ Ицька, пусть его; завтра ты продашь и меня самаго, и раввина, и себя, если кто тебѣ посулитъ за насъ всѣхъ, гуртомъ, три копы, въ раздробъ по полтинѣ, и тогда отецъ Авраамъ снова перевернется, и стало быть опять ляжетъ себѣ по прежнему, на спину!» Между тѣмъ цыганъ бородатый подошелъ къ Ицькѣ, жиду вороватому, сталъ смотрѣть въ зубы клячамъ его, божился, что одна сапатая и съ мокрецомъ, другая запалена и разбита на переднія ноги, третья на заднія, а самъ той порой положилъ куцой кляченкѣ, на которой жидъ вороватый сидѣлъ, чесноку въ уши; отъ этого кляча начала жида бить, замотала головой, начала лягать задомъ и передомъ и понесла. Жидъ вороватый скорчился, какъ заяцъ въ логовищѣ, прижался къ клячѣ

словно приросъ, оплелся ногами и руками, глаза зажмурилъ, и скоро по чистому полю и съ клячею своей изъ виду ушелъ. Тогда цыганъ бородатый поймалъ одну изъ клячъ жидовскихъ, которыхъ жидъ велъ въ поводу, и со страху упустилъ изъ рукъ, сѣлъ на нее, гналъ сломя голову по всѣмъ улицамъ Бердичева, вплоть до табора своего цыганскаго, и здѣсь принялся передѣлывать жидовскую клячу по своему, чтобы ее никто не могъ признать. Онъ подковы содралъ и схоронилъ въ мѣшокъ свой, на старое желѣзо, на ломъ, хвостъ обрубилъ вплоть по самую рѣпку и продалъ жидамъ на гренадерскіе султаны, щетки и уши остригъ, копыта подчистилъ, смочилъ правый окорокъ водою, взъерошилъ шерсть и поставилъ теплымъ желѣзомъ фальшивое тавро, на подобіе того, какъ наши барышни, бывало, кудри завивали, а потомъ свалилъ ее, счистилъ терпугомъ зубы, на которыхъ черныя чашечки означали по больше двѣнадцати годовъ, и поставилъ жегаломъ, раскаленнымъ желѣзомъ, новыя, которыя показывали шесть. Потомъ надѣлъ онъ на

клячу новую, сыромятную обротку или недоуздокъ, посадилъ на нее сына и повелъ на ярмарокъ продавать. Здѣсь бѣдный жидъ вороватый уже похаживалъ, затылокъ почесывалъ, и торговалъ лошадей; ему надо было ѣхать домой и прикупить третью клячу, вмѣсто той, которую цыганъ у него увелъ. А цыганъ бородатый, выхваливая товаръ свой, щелкалъ мальчика, сына своего, который сидѣлъ на клячѣ, бичемъ по ногамъ, такъ, что тотъ ревѣлъ что коза на привязи, а самъ приговаривалъ: «Вотъ добро золотое, вотъ добро! Мой конь и въ воду и въ огонь; видите, люди добрые, мальчикъ плачетъ, слезами заливается, съ конемъ своимъ дорогимъ прощается. — Эхъ, жаль батьки, да везти на погостъ, жаль коня, да копѣйка нужна!» А жидъ вороватый уши развѣсилъ и бороду распустилъ; думаетъ: вотъ чалая кляченка, на мою похожа, и пара моей рыженькой, коли не подъ масть; дай, куплю; переглядѣлъ ее, перещупалъ кругомъ, нашелъ по зубамъ шести годовъ, и заплатилъ цыгану бородатому за нее

50 злотыхъ, по нашему 30 рублей, чистыми денежками; цыганъ положилъ денежки въ гаманецъ, побожился, что дешево продалъ, подалъ жиду изъ полы въ полу сыромятный поводъ, заставилъ сына еще поплакать по клячѣ, да и былъ таковъ. А жидъ пріѣхалъ къ брыкѣ своей и приказалъ батраку Ивану закладывать лошадей.

Похожденіе третіе.

Иванъ заложилъ тройку свою, жидъ вороватый посадилъ въ брыку два сорока жидовъ, жидовокъ, жиденковъ, завалилъ ихъ перинами, подушками, мѣшками и сундуками, и отправился обратно въ Шкловъ. Дорогою батракъ Иванъ сказалъ хозяину своему, жиду вороватому: «Ну, счастливъ твой Богъ, Ицька, что ты клячу свою нашелъ; я такъ уже и думалъ что пропала!» — Нашелъ? нашелъ? Кто ее нашелъ, Иванъ? Я самъ чуть живъ остался, насилу справился съ кобылкою, на которой самъ сидѣлъ, а чалая моя пропала; я, видишь, подобралъ ей подъ масть, прикупилъ опять чалую же! — Тогда Ванюха ему сказалъ: «Дурень ты, дурень,

Ицька: молодецъ ты съ возъ, а ума въ тебѣ и съ накопыльникъ нѣту; это твоя кляча и есть; видишь, хромаетъ она на правую заднюю, да на лѣвую переднюю, и крива на лѣвый глазъ, да только у нея хвостъ обрубленъ, да зубы поддѣланы, такъ, что она ни клока сѣна, ни зерна овса не угрызетъ!» — Чтобъ ему моими деньгами подавиться, чтобъ ему вѣкъ дирявый гаманъ носить! — сказалъ тогда жидокъ вороватый; — чтобъ на него нашелъ черный день, чтобъ крыльце его бурьяномъ поросло, и никто по немъ тропы не торилъ, пути не прокладывалъ! — «У него и хаты не бывало, не то что крыльца», сказалъ разсмѣявшись Иванъ; «онъ проживаетъ тамъ, куда легкая нога его занесетъ; полдничаетъ, гдѣ съ легкой руки лакомый кусокъ стянетъ; ночуетъ подъ тѣмъ тыномъ, гдѣ ночь настигнетъ, да сонъ одолѣетъ: а тропу самъ во всѣ четыре стороны прокладываетъ!»

— Фуръ, фуръ, — сказалъ жидъ вороватый батраку Ивану: — пошелъ, пошелъ; намъ надобно поспѣть до заката

солнца въ корчму пріятеля моего, Израиля, чтобы не зашабашевать въ дорогѣ.

А вы знаете, что жиды празднуютъ не воскресенье, а субботу; что это называется у нихъ справлять шабашъ, шабашевать, и что они тогда ничего въ руки не берутъ, ни къ какому дѣлу не приступаются и дорогою ѣхать не могутъ; а начинается шабашъ въ пятницу, съ вечера, лишь только солнышко закатится, а оканчивается съ закатомъ же солнца, въ субботу.

Иванъ погналъ клячъ своихъ и съѣхался вдругъ съ другою жидовскою брыкою, которая была биткомъ набита кладью и жидами всякаго калибра, отъ мала до велика, и ѣхала встрѣчу первой, изъ Шклова въ Бердичевъ. На козлахъ также сидѣлъ батракъ–хохолъ, и кричалъ нашему Ивану: сторонись! Иванъ ему отвѣчалъ: сторонись, а самъ не сворачивалъ. Съѣхавшись въ плотную, стали оба кучера другъ друга бранить и кричать: сворачивай! а сами не трогались съ мѣста. Жиды, всего–на–все счетомъ въ двухъ брикахъ 49 1/2 человѣкъ, повысунули головы въ

мохнатыхъ шапкахъ во всѣ стороны и кричали всѣ въ одинъ голосъ. Это кучерамъ ихъ надоѣло и наскучило; тотъ, который ѣхалъ встрѣчу, соскочилъ съ козелъ, подошелъ къ брыкѣ Ицьки Гобеля и началъ длиннымъ бичемъ стегать зря по жидамъ. Иванъ нашъ глядѣлъ, глядѣлъ, и вознегодовавъ наконецъ на такое беззаконіе, сказалъ: «А за что ты моихъ жидовъ бьешь? Пойду же и я твоихъ бить!» И самъ слѣзъ съ козелъ, подошелъ къ другой брыкѣ и началъ тоже, не щадя конскаго волоса, которымъ недавно навилъ плеть свою, стегать вкрестъ и въ переплетъ жидовъ своего противника.

«Спасибо тебѣ, Иванъ, мое сердце», сказалъ жидъ вороватый, когда наконецъ послѣ этой перепалки брыки разъѣхались, «спасибо, что за насъ постоялъ; я за это дамъ тебѣ стаканъ наливки и кусокъ сала.» А Иванъ поклонился, да сказалъ спасибо; онъ, какъ хохолъ, былъ большой охотникъ до сала и до водки.

Похожденіе четвертое.

Иванъ доставилъ брыку свою къ Израилевой корчмѣ за–свѣтло, и какой–то проѣзжій весельчакъ подошелъ и началъ считать жидовъ въ брыкѣ, указывая на нихъ пальцемъ: одинъ, два, три, четыре и проч. Этого жиды страхъ не любятъ; они всѣ какъ шмели зашумѣли и начали вылѣзать и валиться съ брыки во всѣ стороны, чрезъ край и чрезъ верхъ.

«Израиль», сказалъ Ицька, жидъ вороватый, корчмарю, и положилъ кусокъ мяса, который привезъ съ собою, на лавку, «говори мнѣ, скорѣй, какъ ты готовишь битки, которые я у тебя намедни ѣлъ? Говори скорѣй, а я буду записывать, чтобы успѣть изготовить ихъ до шабаша: сказывай!»

Израиль позвалъ жену свою Рахель, дочь Сузьку и тещу Эстеръ, и стали онѣ всѣ въ голосъ говорить Ицькѣ: сколько надобно положить перцу, сколько соли, сколько цыбули (луку), сколько оцту, т. е. уксусу, а Ицька записывалъ мѣломъ, на лосинныхъ панталонахъ своихъ, которые

были сдѣланы изъ телячей шкуры. Но вдругъ, отколь ни взялась, собака, ухватила Ицькино мясо, выскочила въ окно и побѣжала.

Ицька закричалъ: «вай миръ, гвалтъ!» кинулся за нею, вытряхнулъ изъ боковаго кармана своего всѣ крохи и началъ ими манить къ себѣ собаку. Но когда она, не слушая его, продолжала ѣсть мясо, и онъ за нею до поту лица угонявшись, не могъ его отнять, тогда онъ сказалъ: «Чтобы тебѣ этимъ кускомъ подавиться, чтобъ тебѣ вѣкъ свой ѣсть не наѣсться, пить не напиться, чтобы тебѣ цыгану бородатому въ руки попасться!» А самъ, поставивъ ногу на колесо брыки своей, стеръ рукавомъ все, что мѣломъ записывалъ, примолвивъ: «Пусть же будетъ ни тебѣ, ни мнѣ; не будешь и ты знать, какъ изъ этого мяса битки готовить!» Я упомянулъ, что Ицька закричалъ: вай миръ, гвалтъ! это нѣмецкое: weh mir Gewalt! Польскіе, прусскіе и австрійскіе жиды говорятъ искаженнымъ нѣмецкимъ языкомъ, въ который вмѣшиваютъ и вставляютъ множество

еврейскихъ и областныхъ польскихъ, русскихъ и малороссійскихъ словъ; пишутъ они еврейскими буквами: а еврейскій языкъ извѣстенъ только раввинамъ и ученымъ. Жиды западной Европы, наводнившіе даже Турцію, говорятъ искаженнымъ испанскимъ языкомъ. Довольно странно, что служа примѣромъ упорнаго постоянства во всемъ родномъ и народномъ, евреи утратили общій языкъ свой!

«Що ты робишь? Что ты это дѣлаешь?» спросилъ жидъ вороватый какого–то бурлака побродягу, сидѣвшаго на берегу рѣки и глядѣвшаго пристально на другой берегъ. — А я вотъ ту уху хлебаю, что рыбаки на томъ берегу варить собираются! — отвѣчалъ этотъ; и Ицька закричалъ во все жидовское горло: «Гвалтъ!» ибо узналъ въ бурлакѣ цыгана бородатаго; «гвалтъ, караулъ!» кричалъ Ицька, и приноравливался хватить съ цыгана шапку: «караулъ! ты мою лошадь укралъ!» — Дуракъ ты круглый, — отвѣчалъ ему цыганъ бородатый, — и шальной жидъ; не твоей дряни чета аргамаки черезъ мои

руки проходили, да этого шуму не бывало; кляченки твоей я не кралъ, а вымѣнялъ ее у барышника, татарина, на три курдюка бараньихъ, да на плеть; да и одной плети моей кляча твоя не стоила! А какъ только дознался я, что это кляча твоя, такъ я и самъ за тобою въ погоню пошелъ; мнѣ твоего добра не нужно, хоть себѣ имъ чолны конопать, хоть мосты мости! Вотъ тебѣ деньги твои назадъ: мелкихъ нѣтъ, а съ 50–ти рублей двѣ красненькихъ подай сюда сдачи, да и квиты!

Жидъ вороватый свѣту не взвидѣлъ, когда бѣленькая мелькнула у него въ глазахъ. Онъ вынулъ поскорѣй изъ мошенки, гдѣ, по словамъ его, одни муравленые черепки побрякивали, пять карбованныхъ, т. е. пять цѣлковиковъ, и долго торговался, покуда рѣшился, какъ слѣдовало по курсу, добавить четвертачекъ. Солнце закатилось и онъ поспѣшилъ въ корчму на шабашъ. Цыганъ пошелъ потолковать съ батракомъ Иваномъ.

Похожденіе пятое.

Рано утромъ жидъ вороватый вдругъ кинулся изъ корчмы на дворъ, и всѣ жиды, жидовки и жиденята за нимъ. «Что за шумъ, а драки нѣтъ?» спросилъ Иванъ: «дурману вы, что ли, объѣлись, чего вы кидаетесь, словно угорѣлыя кошки?» — Гдѣ цыганъ? кричалъ Ицька, жидъ вороватый, — гдѣ цыганъ? — «На что тебѣ цыгана?» спросилъ батракъ Иванъ. — Онъ оплелъ меня, погубилъ мою голову, и со мною пропадетъ сто головъ, и дѣти и внучата мои, и бабка и теща, и жена и свекровь, и золовка и невѣстка — онъ далъ мнѣ ассигнацію поддѣланную, по русски фальшивую, и взялъ съ меня сдачи пять цѣлковиковъ оловянныхъ, да четвертачекъ настоящій, государственный, серебряный! Сердце мое, Иванъ, гдѣ цыганъ? вѣдь онъ былъ здѣсь! — «Когда брали Анапъ», отвѣчалъ Иванъ, «тогда стоялъ подъ стѣнами корабъ; а когда взяли, такъ увели. Цыгана нѣтъ давно; онъ ушелъ и слѣдъ простылъ.» — Вай, вай миръ! О горе мнѣ! — кричалъ жидъ вороватый и билъ себя

кулаками въ грудь, и всѣ жиды и жидовки кричали въ голосъ: «ой вай миръ», и рвали на себѣ волосы. Такъ они проревѣли и проплакали цѣлый день, до заката солнечнаго, когда шабашъ кончился, а потомъ пріѣзжіе стали снаряжаться въ путь. Иванъ смазалъ и заложилъ брыку; жиды, перины, подушки, жидовки, сундуки, мѣшки и жиденки полѣзли на свои мѣста, а Иванъ ударилъ по клячамъ, тряхнулъ возжами, и тройка наша поплелась рысцею въ путь.

«Посмотрите, господа попутчики, посмотрите», началъ одинъ жидокъ, перевалившись бокомъ черезъ грядку, «какъ высоко летитъ стадо дикихъ гусей; да и не то диво еще, что высоко летятъ, а то, что у нихъ всегда есть вожакъ; всегда одинъ гусь напереди летитъ!» — А сколько ихъ всѣхъ? — спросилъ лукавый Ицька, жидъ вороватый. Тотъ началъ считать, и насчиталъ 27. — Такъ развѣ имъ можно, — спросилъ опять Ицька, — всѣмъ двадцати семи гусямъ напереди летѣть? — Жиды засмѣялись, и за это–то красное словцо

прозвали нашего Ицьку вороватымъ. Ицька прозвищемъ этимъ обязанъ собственно своей бойкости. — «А шкода», сказалъ тотъ же жидокъ, то есть, по нашему, «жаль, что у насъ нѣту ружья, а то бы настрѣляли дорогою дичины!» — Не бось ты храбрый? — спросилъ Ицька вороватый; — ты бы сейчасъ за ружье, на руку къ щекѣ, да и бацъ? — «Нѣтъ», отвѣчалъ жидокъ, «я этого не говорю; у насъ какъ–то стояли драгуны на постоѣ, такъ и то, бывало, мать строго наказывала намъ, малымъ ребятишкамъ, не подходить въ уголъ, къ саблямъ драгунскимъ: неравно, говорила, которая изъ нихъ набита, то есть заряжена, такъ чтобы не выстрѣлила; съ тѣхъ поръ я не люблю огнестрѣльнаго оружія, и, нечего хвалиться, стрѣлять самъ не стану. Но у меня былъ въ Хоролѣ двоюродный братъ, который мнѣ приходился съ родни, потому–что когда на его бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, такъ мой дѣдушка пришелъ, да руки погрѣлъ; этотъ двоюродный братъ мой бывало стрѣливалъ, и изъ ружья и изъ пистоля.» — И пулю клалъ? — спросили всѣ

жиды въ одинъ голосъ, удивляясь такой непомѣрной отвагѣ единовѣрца своего. — «Нѣтъ», отвѣчалъ жидокъ, «нѣтъ, онъ такъ, пескомъ заряжаетъ, потомъ вскинетъ къ щекѣ, да и закричитъ во всю глотку: пафъ!» — Ай–да двоюродный братъ твой, — сказали всѣ жиды въ голосъ: — вотъ эдакаго человѣка надобно бы намъ возить съ собою, не для того, чтобы дичину стрѣлять, а для того, чтобы отъ гайдамаковъ обороняться. Битая изъ ружья дичина не коширная, и ѣсть ее не годится. — Жиды ѣдятъ только скотину и живность, которую рѣзалъ ихъ, жидовскій, рѣзникъ, а прочее мясо и дичину называютъ трефнымъ, или не коширнымъ, и не ѣдятъ его. Такъ же называютъ они трефною, по примѣру нашихъ раскольниковъ, ту посуду, изъ которой поятъ и кормятъ собакъ своихъ и иновѣрцевъ. Батрачка или работница, христіанка, которыхъ, не смотря на строгое запрещеніе указомъ, у жидовъ множество, работницы эти ѣдятъ изъ одной чашки съ

коровою, которую кормить и доить обязаны.

Жидки наши пустились въ путь отъ корчмаря Израиля вечеромъ, по закатѣ солнца, и теперь ѣхали мѣсячною ночью. Вдругъ гайдамакъ, съ дрючкомъ преогромнымъ на плечахъ, ухватилъ коней подъ устцы и кричалъ: «Стой!» Это былъ цыганъ бородатый, который, узнавъ отъ Ивана батрака, что жидки ѣдутъ въ Шкловъ, вышелъ впередъ и выждалъ ихъ въ привольномъ мѣстѣ, чтобы промѣнять у Ицьки вороватаго оловянные рубли на серебряные. Иванъ остановился. Цыганъ подошелъ къ брыкѣ и приказывалъ буйнымъ голосомъ своимъ, жидкамъ вылѣзать вонъ. Но жидки всѣ поприжались въ кучу, въ самый задъ длинной брыки, и Ицька тихо про себя нашептывалъ: дзынь дзынь — и никто не трогался съ мѣста. Цыганъ бородатый ударилъ дрючкомъ по верху холстомъ обтянутой брыки, такъ что у жидковъ головы затрещали отъ переносья до самаго затылка, и душа ушла, не только въ пятки, но даже и въ самыя закаблучья.

Всѣ жидки полѣзли на корачкахъ изъ брыки, придерживаясь, каждый, одной рукой за ермолку свою, а другою за длинныя фалды кафтана ползущаго передъ нимъ жидка. Ухватки и ужимки каждаго изъ нихъ достойны были бы не пера, а кисти. Иванъ, сидя спокойно на козлахъ, вырубалъ огня на трубку и ждалъ конца пѣсни. Я сказалъ уже, что жидковъ было въ брыкѣ безъ малаго два–сорока; но когда цыганъ, для угрозы, повернулъ одному изъ нихъ, часовому мастеру Зенвелю, голову такъ, что затылокъ пришелся противу грудной кости, а носъ противу позвоночнаго столба, то всѣ остальные, закричавъ въ голосъ: ой вай миръ! высыпали послушно гамзы и мошенки свои къ цыгану въ шапку, не исключая даже и Ицьки и муравленыхъ его черепковъ. Послѣ этого цыганъ бородатый, изъ милости даровавъ имъ всѣмъ животъ, повелѣлъ только надѣть кафтаны на изнанку, подпоясаться, сѣсть въ брыку и гнать во весь духъ. Всѣ кинулись къ брыкѣ, давили, какъ ошалѣвшіе, другъ друга, кричали, лѣзли,

сбили Ивана съ козелъ, ударили всѣмъ кагаломъ, тоже, что по нашему цѣлымъ міромъ, по клячамъ, и понеслись, сломя голову, чрезъ пень чрезъ колоду. Одинъ жидъ уронилъ шапку — дуютъ безъ оглядки; другой и самъ свалился — имъ нужды–нѣтъ; наконецъ ось крякнула пополамъ, колесо соскочило — они гонятъ, какъ косой отъ борзыхъ; и, на трехъ колесахъ, бокомъ, безъ одной шапки и безъ одного жидка, боронили дорогу во всю Ивановскую, вплоть до Шклова.

Похожденіе шестое.

Прикативши къ воротамъ Шлёмки Берковича, кони, по старой привычкѣ, остановились на всемъ скаку, и бока и пахи у нихъ ходили, какъ досчатые бока и кожаные пахи кузнечнаго мѣха; а ноздри дули и пыхтѣли, какъ жерло его. Весь кагалъ шкловскій сбѣжался около жидковъ нашихъ, которые вылѣзали, одинъ за однимъ, въ вывороченныхъ на изнанку халатахъ; когда же жители Шклова услышали о причинѣ таковаго переворота обычнаго порядка вещей, то, всплеснувъ

руками и покачивая головами, дружно, въ голосъ, закричали всѣ: ой вай миръ! Отъ этого, близкаго сердцу, роднаго воззванія, и наши жиды пришли въ себя и прокричали также согласно: ой вай, вай миръ! Потомъ скинули они халаты свои, надѣли ихъ на лицо, сбившись въ кучу, прошумѣли и прокричали до поздняго вечера, а потомъ разошлись по домамъ.

Ицькина жена Хайка и дочь Ципе накормили его локшанами, лапшердаками, напекли ему куглей; но припоминая себѣ утрату Ицьки, часто покрикивали: ой вай миръ! и наконецъ всѣ они улеглись, на пуховикахъ и подъ пуховиками же, на глиняномъ полу, въ грязной, тѣсной, чеснокомъ напитанной комнатѣ.

У Ицьки сердце все еще стучало вслухъ. Онъ заснулъ, не могши отбиться отъ видѣнія, въ которомъ главное лице игралъ бурлакъ–гайдамакъ; и во снѣ же ему пригрезился страшный, неумолимый цыганъ, съ ножемъ въ рукахъ. Ицька закричалъ во всю жидовскую глотку и схватилъ жену свою за горло; она,

обороняясь, ухватила его за бороду. «Хайка, меня держутъ и собираются рѣзать», закричалъ онъ, «и это вѣрно гайдамакъ цыганъ!» — Ицька, меня держутъ и рѣжутъ — отвѣчала она, — и это цыганъ! — «Что же мнѣ дѣлать?» спросилъ онъ. — Соберись съ силами, — отвѣчала Хайка, — понатужься, цвингъ диръ, возми гайдамака за ноги и выкинь его изъ окна. — Ицька вскочилъ въ потьмахъ, ухватилъ жену свою Хайку, которую держалъ уже за глотку, за ноги и махнулъ ее за окно; потомъ поспѣшно опустилъ оконце и приперъ его шесткомъ, чтобы гайдамакъ не влѣзъ снова, а самъ забился подъ перины. Хайка, очутившись среди улицы, встала, подперлася руками, и подняла такой жалобный и тоскливый вой: ой вай, вай миръ! что весь кагалъ жидовскій вскорѣ сбѣжался съ каганцами, съ сальными огарками въ рукахъ; всѣ обступили заливающуюся въ три ручья слезами Хайку, и спрашивали, всѣ въ голосъ, другъ у друга, поматывая головами и потряхивая пейсиками: «вусъ ись дусъ? вусъ ись дусъ?

что это? что такое?» Хайка разсказала, захлебываясь, что гайдамакъ–цыганъ, бодай ему на томъ свѣтѣ тяжко икнулось, бодай ему вѣкъ свой цыбули не бачить, бодай ему свинымъ ухомъ подавиться, — что цыганъ, который ограбилъ мужа и честныхъ жидковъ на дорогѣ, нынѣ выкинулъ ее изъ собственной хаты ея, и принялся рѣзать мужа. Жидки, потолковавши всѣмъ кагаломъ объ этомъ, положили: поймать цыгана бородатаго, во что бы ни стало, непремѣнно; а какъ, не смотря на стукъ ихъ у дверей, испуганный Ицька не отпиралъ, да и не отзывался, то они и присудили: самому бойкому жиду, рѣзнику Гершкѣ завзятому, лѣзть въ окно, изъ котораго выкинули Хайку, и обѣщались всѣ послѣдовать за нимъ, дружнымъ оплотомъ. Гершка не даромъ пользовался прозваніемъ завзятаго, т. е. бойкаго или удалаго: онъ, не медля ни мало, вооружился ножемъ своимъ, подошелъ, подъ конвоемъ дружины своей, подъ завѣтное окно, выбилъ стекло и полѣзъ смѣло головою въ оконницу. Ицька, доведенный симъ нахальнымъ нападеніемъ

до крайняго отчаянія, рѣшился твердо, хотя у него зубъ на зубъ не попадалъ и холодный потъ выступалъ на лбу, рѣшился отстаивать до–нельзя добро свое; и полагая, что цыганъ бородатый, котораго онъ выкинулъ за окно, лѣзетъ опять къ нему въ гости чрезъ выбитое стекло, сталъ у окна твердою ногою, распустилъ десятокъ костлявыхъ пальцевъ своихъ, и ожидалъ врага въ этомъ отчаянномъ положеніи. Лишь только Гершка завзятый головою своею полѣзъ въ оконце, какъ Ицька вцѣпился когтями въ длинныя кудри его, и началъ съ отчаянною силою стучать и возить бѣднаго Гершку рыломъ по оконичной доскѣ. Рукодѣліе это ему такъ слюбилось, голова Гершкина ему такъ по рукѣ пришлась, и со страху онъ до того одурѣлъ, что, не слушая или не слыша ни роднаго, жалостнаго крика и визга бѣднаго Гершки, ниже единогласнаго воззванія цѣлаго кагала, ободрявшаго Гершку полѣзать проворнѣе и смѣлѣе, продолжалъ толочь Гершкину голову объ доску, съ такимъ же неутомимымъ рвеніемъ, какъ,

говорятъ, на томъ свѣтѣ окаянные грѣшники толкутъ въ большихъ чанахъ или кадкахъ воду. Наконецъ, весь кагалъ жидовскій, вся дружина ухватилась за ноги бѣднаго Гершка и вытащила его за–мертво изъ оконницы, вырвавъ силою изъ кровожадныхъ рукъ мнимаго гайдамака.

Похожденіе седьмое.

Такимъ образомъ Гершка завзятый былъ, правда, спасенъ отъ мученической, жестокой смерти; но если читатели, по сродному имъ состраданію, полагаютъ, что симъ исполнилась мѣра истязаній его, то они ошибаются. Кому толчокъ, тому и носокъ; а щипаную курицу и ворона долбитъ. Ицька, жидъ вороватый, въ неукротимой мести своей, одержавъ столь значительную и блистательную побѣду надъ цыганомъ бородатымъ, до того распотѣшился и расходился, что выскочилъ, заревѣвъ уже не своимъ голосомъ, изъ дверей, въ погоню за людоѣдомъ; жидки, увидѣвъ за собою, въ потьмахъ, полунагаго человѣка съ дубиною, кинулись всѣ, сломя голову, и не успѣвъ

подхватить башмаковъ своихъ въ руки, отъ чего и растеряли ихъ всѣ до одного, — кинулись, говорю, прямо къ раввину Аврааму на дворъ. Здѣсь ворота были заперты, но подворотня не вставлена, почему всѣ жидки, ринувшись ницъ, проползли подъ воротами и протащили бѣднаго, безчувственнаго Гершку за руки и заворотъ, тѣмъ же трактомъ, къ раввину на дворъ. Почти протащили, хотѣлъ я сказать, потому, что они проволокли его по самыя колѣни, когда разъяренный Ицька настигъ аріергардъ обращеннаго въ бѣгство непріятеля, ухватилъ судорожно-сомкнувшеюся рукою голыя пятки одѣтыхъ сѣрыми чулками ногъ Гершкиныхъ, и сильною мышцей загнулъ ихъ отъ земли къ верху, къ воротамъ, причемъ, какъ Гершку волокли брюхомъ къ верху, а спиною въ низъ, весьма естественно, что разъяренный Ицька, искуснымъ рукочинствомъ своимъ, перегнулъ наперекоръ природному устроенію колѣннаго сустава, Гершкины ноги, въ самыхъ колѣнахъ, подъ прямымъ угломъ впередъ. Съ этой поры Гершка

ходилъ какъ лѣшій, сгибая колѣни въ обратномъ смыслѣ, впередъ, былъ весьма не твердъ на ногахъ, а потому на всю жизнь свою и получилъ прозваніе: разбитаго на заднія ноги.

На утро весь Шкловъ, отъ мала до велика, былъ на ногахъ; крикъ, гамъ, шумъ повсюду, учиняли повальный обыскъ, шарили по всѣмъ домамъ, не укрылся ли гдѣ разбойникъ цыганъ бородатый? Ицька перешарилъ всѣ подвалы и чердаки, клялся и божился, что самъ его видѣлъ и въ рукахъ держалъ, но по долгимъ и тщетнымъ искамъ, возвратился наконецъ, запыхавшись, домой, взявъ мимоходомъ, у едва не овдовѣвшей, по милости его же, Ицьки, жены рѣзника Гершки завзятаго, пять съ половиною фунтовъ коширной баранины.

Похожденіе осьмое.

Отдавъ женѣ своей Хайкѣ, которая прокряхтѣла еще, послѣ вечерошняго переполоху, весь день, баранину, чтобы она ему сварила юшку, сталъ Ицька распрашивать: чѣмъ она, въ отсутствіе его,

промышляла и много ли уторговала? Хайка разсказала ему: какъ она обсчитала хохла, заставивъ его сдать ей со злотаго сдачи три гроша, которые по расчету приходилось получить ему съ нея; показала неоцѣненный стаканъ зеленаго стекла, который привезъ ей свой человѣкъ, чуть ли не изъ самаго Брянска; стаканъ, въ которомъ, не смотря на широкій раструбъ или развалъ края, полость оканчивалась рюмочкою и дно было въ добрыхъ четыре перста толщиною; показала новый хозяйственный способъ, ею изобрѣтенный, низать монисто, а именно: закидывая послѣ каждой бусы по доброму узлу, чѣмъ выгадывала на нитку отъ пяти до семи бусъ; но верхъ необычайно даровитой смѣтливости ея было изобрѣтеніе, продавать, въ подрывъ всѣмъ перекупкамъ, т. е. торговкамъ, покупаемые ею у иностраннаго нѣмецкаго пекаря пряничные орѣхи, дешевле самого хозяина, и имѣть съ этого оборота барышъ! Нѣмецъ продавалъ ихъ по 80 копѣекъ фунтъ; Хайка покупала ихъ у него съ вечера, ставила въ сырой

лёхъ, т. е. въ подвалъ, отъ чего они напитывались влагою и становились тяжеле; и, продавая ихъ по злотому и грошей семь, то есть, по 74 копейки фунтъ, выручала она чистаго барыша по два гроша съ фунта. Ицька вороватый, похваливъ Хайку за такую оборотливость и поставивъ засаленнымъ дѣткамъ своимъ, досконалую маму ихъ въ примѣръ, ухватилъ мохнатую шапку, трость и отправился шнырять по городу.

На базарѣ стеклася необычайная толпа, все билось и тѣснилось въ кучу смотрѣть на проѣзжаго пресловутаго фигляра, который разъѣзжалъ со свитою своей въ плащахъ, шитыхъ золотомъ, по улицамъ и обѣщалъ показать въ первый и въ послѣднiй, доселѣ неслыханное и невиданное. Ицька, не могши добиться до подмостковъ, не смотря на то, что кричалъ отважно: шварцъ юръ! и продирался въ оба локтя, дотолкался наконецъ до дегтярной лавки Шмуля Рафаловича, передъ которою стояла торчмя порожняя смоленая бочка, ухватился за нее, уперся руками и ногами и длинною

тростью въ спины, плеча и бока окружающихъ бочку, взлѣзъ наконецъ, съ необычайнымъ усиліемъ, и сталъ на нее, подпершись тростью, какъ пѣтухъ–побѣдитель, похлопывая крыльями, становится, взобравшись на сосѣдній тынъ или плетень. Но не успѣлъ славный штукарь засучить рукава, какъ толпа около бочки начала хвататься за край ея и протягивать шеи. Бочка закачалась; Ицька нашъ, помахивая руками, какъ сухопутная мельница, старался удерживать равновѣсіе и, переступая съ ноги на ногу, вдавилъ дно бочки, провалился, полетѣлъ въ нее, и вынужденнымъ нашелся всматриваться, по временамъ, въ неслыханныя и невиданныя чудеса жида–итальянца, присѣдая и подпрыгивая непрестанно, такъ какъ онъ на бѣду на цѣлую четверть не доросъ до уторъ дегтярной бочки. Когда гармидаръ на базарѣ кончился, единовѣрцы обратили наконецъ вниманіе свое на бѣдствующаго Ицьку, попавшагося какъ крыса въ ловушку, опрокинули бочку, а съ нею и жидка, вытащили несчастнаго,

высмоленнаго съ ногъ до головы, и отпустили его домой, для просушки.

«Чтобъ вамъ вѣкъ свой кучки подъ крышей праздновать и мацовъ[1] не видать; чтобъ вамъ съ просонковъ когда нибудь своей рукой перекреститься! Чтобъ у васъ окаянныхъ, бороды повылиняли!.....» Такъ бранился Ицька бѣднякъ, пробираясь, въ смоленомъ халатѣ своемъ, домой — бранилъ, самъ не зная кого.

«Ѣсть давай!» закричалъ онъ Хайкѣ, вступая въ хату свою: «я проголодался, давай сюда мою юшку, съ бараниной!» Хайка, всплеснувъ руками, закричала: ой вай, вай, вай! и повѣдала ему, какъ кошка съѣла его мясо! «Съѣла?» спросилъ Ицька, «съѣла? и все?» — Все до тла, — отвѣчала отчаянная Хайка, и ставила старшую дочь свою Ципе свидѣтельницею этого неслыханнаго несчастія. Ицька, не говоря ни слова, велѣлъ подать себѣ безмѣнъ, поймалъ кошку, поддѣлъ ее живую крючкомъ за воротникъ, прикинулъ на безмѣнъ, и закричалъ: «Хайка! Кошка тянетъ ровно 5 1/2 фунтовъ; и такъ, это

мясо мое, это мое мясо: а гдѣ же теперь наша кошка? Гдѣ наша кошка?» повторялъ онъ, приступая къ Хайкѣ; «это мое мясо, подай мнѣ за–разъ кошку!»

Похожденіе девятое.

Между тѣмъ, нечаянное и неожиданное обстоятельство лишило нашего цыгана бородатаго, ровно половины всего наличнаго имущества его, состоявшаго въ звонкой монетѣ. Обстоятельство это требуетъ поясненія. Жиды Подола, Волыни, Литвы и Украйны предприняли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, небольшой оборотецъ, который имъ удался совершенно и лишилъ большую часть жителей, а особенно неимущихъ, значительной части малаго ихъ достоянія. Жиды, условившись, начали пускать въ оборотъ, вмѣсто нашихъ русскихъ грошей, копейки, денежки, различныя старинныя мѣдныя монеты, и даже шелеги; это тѣмъ удобнѣе было исполнить, что въ тѣхъ мѣстахъ жители уже привыкли къ разнороднымъ польскимъ и австрійскимъ грошамъ. Въ томъ числѣ явилось, какъ упомянуто, значительное

количество нашихъ старыхъ и новыхъ копѣекъ, и денежекъ, и даже полушекъ; все это ходило подъ общимъ именемъ грошей и цѣною въ русскій грошъ. Пять полушекъ, пять денежекъ, пять шелеговъ, словомъ, пять мелкихъ мѣдныхъ монетъ, составляли гривну; или, какъ тамъ на гривны не считаютъ, 30 монетокъ шло на злотый, равняющійся нашему пятиалтыннику, или 60 копейкамъ. Въ короткое время жиды успѣли вывезти изъ Подола и Волыни всѣ гроши и замѣнить ихъ копейками, шелегами и полушками. Насталъ роковой годъ, кажется 1821–й, и все торговое сословіе польской Украйны, то есть, все нынѣшнее поколѣніе жидовъ, объявило единодушно и единогласно, что грошъ содержитъ въ себѣ двѣ копѣйки, копейка двѣ деньги, деньга двѣ полушки, что иностранная мѣдная монета не ходитъ въ Россіи, а шелеги никакой цѣны не имѣютъ. У нашего цыгана было, около того времени, заготовлено въ прокъ и въ запасъ, на зиму, полный глекъ, т. е. глиняный кувшинъ, мелкой мѣди. Упомянутый еврейскій оборотъ сдѣлалъ

ему столь значительный подрывъ, что онъ нашелся вынужденнымъ изобрѣсть какое либо средство, для вознагражденія, до заморозковъ, траты этой: иначе запасъ шелеговъ могъ истощиться до весны, то есть, до подножнаго корма, для него и краденой его кобыленки. Самый вѣрный и обыкновенный оборотъ цыганскій, это торгъ и мѣна коней; варганы какъ–то немного приносятъ доходу; лошадей мало кто куетъ, а ѣздятъ, жиды и хохлы, большею частію на некованныхъ; такъ оставалось только одно: ухватиться опять за конскій промыслъ.

Цыганъ рѣшился придержаться, и въ этомъ случаѣ, стараго пріятеля своего, Ицьки вороватаго. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Зная, что онъ дома, въ Шкловѣ, промышляетъ иногда передаточнымъ товаромъ, хотя самъ явно воровать трусилъ, подослалъ цыганъ къ Ицькѣ товарища своего, велѣлъ столкнуться съ нимъ на базарѣ, и предложить добраго рыжепѣгаго коня, — побожившись, что конь этотъ издалека, и

отвѣчая за то, что никто его у Ицьки не признаетъ. Перемолвившись съ жидкомъ, цыганъ обѣщалъ привести коня въ эту или на слѣдующую ночь. Жидъ велѣлъ хозяйкѣ своей припасти и держать на готовѣ дорожный погребецъ его, то есть, сальную, грязную тряпицу, въ которую было завернуто по ломтю всякой всячины изъ съѣстнаго, а самъ легъ спать, не раздѣваясь. Немного погодя, Хайка услышала стукъ на дворѣ и перепугалась до смерти: она не могла еще забыть цыгана. Но Ицька успокоилъ ее, сказавъ, что онъ ожидаетъ добраго молодца, и что это не воры, а пріятели. Онъ вышелъ наскоро и подлинно засталъ уже на дворѣ человѣка на пѣгомъ конѣ. Недолго онъ торговался и далъ за рыжепѣгаго три карбованныхъ, да ползлотаго магарыча, и цыганъ нашъ, передавъ поводъ изъ полы въ полу, самъ ушелъ и былъ таковъ.

Не упуская часу, сталъ жидокъ собираться съ новымъ конемъ въ Бердичевъ, на ярмарокъ, и велѣлъ запрягать брыку свою тройкой. — Но

батракъ пришелъ, почесывая затылокъ, съ докладомъ, что коренной нѣтъ на конюшнѣ. «Какъ нѣтъ? кого нѣтъ?» спросилъ Ицька, ухвативъ фонарь; «кого нѣтъ, сердце мое Иванъ?» — Онъ отправился немедленно съ фонаремъ на конюшню, искать коренной; искалъ ее какъ булавку, но не нашелъ. Чѣмъ долго морить читателей, и заставлять Ицьку искать и браниться по пустому, скажемъ лучше напрямки: коренной дѣйствительно не было на конюшнѣ; она стояла смиренно на дворѣ, у воротъ, привязанная и расписанная мѣломъ или бѣлой глиной, пѣгимъ узоромъ, расписанная вся, отъ лысины до копытъ; тамъ стоитъ она и ожидаетъ съ покорностію судьбы своей. Цыганъ бородатый пришелъ ночью къ жиду, принесъ съ собою глекъ распущенной бѣлой глины, почулъ духомъ, гдѣ стоитъ рыжая коренная его, расписалъ ее пѣгою и продалъ ему же, Ицькѣ, и тутъ же, на собственномъ его дворѣ. Ицька замѣтилъ только, что она упарилась, какъ видно, дорогою изрядно. Цыганъ признавался откровенно, что лошадь эта

краденая, но ручался при томъ головой, что ее никто у Ицьки не признаетъ, никто къ нему не привяжется. Когда же краска просохла и обсыпалась, рыжепѣгая кляча оборотилась въ рыжую Ицькину коренную, волосъ въ волосъ, какъ стояла въ стойлѣ; да только цыганъ, чтобъ ему въ нитку высохнуть, чтобъ его москали на подруже злапали, въ торопяхъ и въ потемкахъ выткнулъ ей помазкомъ одинъ глазъ. Она окривѣла.

Похожденіе десятое.

Ицька закричалъ гвалтъ! Хайка съ домочадцами и вдвое того, подняли на–ноги весь кагалъ шкловскій, кинулись въ погоню, и застали неосторожнаго цыгана въ шкловскомъ первостатейномъ шинкѣ, гдѣ онъ гулялъ на Ицькины денежки и перебранивался съ шинкаркою, которая хотѣла ему сдать, по старому курсу, копейками и денежками, вмѣсто грошей. Евреямъ давно уже указомъ запрещено шинковать, т. е. цѣловальничать въ кабакахъ и корчмахъ; не смотря на это, во

всѣхъ шинкахъ Украйны сидятъ жиды и жидовки.

Жиды объявили городъ на военной ногѣ, а шинокъ въ осадномъ положенiи. Извѣстно, что во всѣхъ жидовскихъ мѣстечкахъ и городишкахъ жиды дѣлаютъ, что хотятъ. За однимъ только жиды не гонятся — за толчкомъ: ихъ не бьетъ, кто не хочетъ. Но за то, во всякомъ иномъ отношенiи, жидовская воля владыка, и каждый оборванецъ и обшарпанецъ распоряжается вашимъ карманомъ, словно своимъ, и дѣлаетъ это, кажется, съ помощiю магнетизма. Онъ видитъ по глазамъ вашимъ, сколько у васъ есть денегъ, сколько было и будетъ: чутьемъ слышитъ, какою именно монетою; съ перваго взгляда смекаетъ, чѣмъ можно служить вамъ, чѣмъ угодить и надуть; съ перваго запроса узнаетъ, на сколько можно васъ оплести. Онъ уступаетъ вамъ вещь въ полцѣны собственной, и тѣмъ вынуждаетъ товарища вашего заплатить за другую вдвое. Какъ онъ это дѣлаетъ? подите, и посмотрите; я говорю, что помощiю

магнетизма. Но за то, чего и съ нимъ не бываетъ! То ермолку закинутъ на печь, и цѣною выкупа назначатъ: написать карандашемъ крестъ на лбу. Жидъ хоть и плачетъ да соглашается; стираетъ рукавомъ крестъ, и отправляется, получивъ ермолку, домой. На утро онъ готовъ зарѣзаться; крестъ былъ написанъ лаписомъ, и выступаетъ на лбу еврея багровымъ, синимъ, и наконецъ чернымъ цвѣтомъ..... То заставляютъ двоихъ жидковъ, затылокъ съ затылкомъ, помѣряться, да свяжутъ пейсики мертвымъ узломъ; то скатаютъ смолой или воскомъ двѣ бороды вмѣстѣ; то, припечатавъ ихъ къ краю стола, заставляютъ бѣдныхъ жидковъ глядѣть, въ упоръ носа, другъ на друга, поссориться и подраться; то сторгуются, за два злотыхъ, положить печать на бороду, да, невзначай, накапаютъ сургуча на носъ; то кинутъ, на подхватъ, раскаленный пятакъ, да обожгутъ бѣдному жидку лапы...

Шинкарка съ воплемъ объявила, что цыганъ, лишь только начался гвалтъ, утикъ до леху, то есть: ушелъ въ подвалъ, и

приперъ за собою чугунныя двери. Поставили сторожей и часовыхъ у входа, у отдушниковъ, окружили дворъ и домъ и весь шинокъ, расположились лагеремъ на улицѣ и ожидали разсвѣта. Между тѣмъ составили изъ любителей военный совѣтъ, какимъ бы образомъ захватить цыгана въ подвалѣ?

Зенвель Шварцъ, часовой мастеръ и механикъ, которому цыганъ уже однажды, помнится, дался знать, повернувъ ему голову лицемъ назадъ, полагалъ необходимымъ, прокопать сверху особый входъ въ подвалъ и вытащить цыгана, какъ барсука изъ норы, клещами. Лейба Гринберхъ, портной, совѣтовалъ употребить вмѣсто клещей, инструментъ, на подобіе большихъ портняжныхъ ножницъ, дабы, въ случаѣ крайности, можно было отстригнуть тотчасъ цыгану голову. Скорнякъ Берка хотѣлъ изготовить на него кожаный чехолъ, на подобіе надѣваемой на сумасшедшихъ рубахи; разбитый на заднія ноги Гершка со слезами умолялъ соотчичей своихъ, отступиться отъ грѣха и предать дѣло волѣ

Божіей; наконецъ, зажиточный торгашъ, откупщикъ, подрядчикъ и поставщикъ, Шмуль Рафаловичъ, предложилъ самое простое и вѣрное средство: заморить цыгана въ подвалѣ голодомъ. Но противъ сей благоразумной мѣры велегласно и упорно возстали всѣ, имѣвшіе съѣстные припасы, водку и вина, въ подвалѣ шинкаря, равно какъ и самъ панъ господаржъ, хозяинъ, предпріимчивый и расчетливый Барухъ. Этотъ Барухъ, знаменитый въ лѣтописяхъ шкловскаго винодѣлія, изобрѣтеніемъ фиръ и финфъ–Мадеры, названной художественнымъ изобрѣтателемъ ея такъ, по примѣру извѣстной дрей–Мадеры, этотъ Барухъ, говорю, храбрый воинъ и искусный дипломатъ, вступилъ съ цыганомъ, чрезъ трубообразный отдушникъ подвала, въ переговоры. Цыганъ ни на что не соглашался, и объявилъ, что если не дадутъ ему сейчасъ воли, и сверхъ того сто злотыхъ выкупу, то онъ немедленно выбьетъ ногою изъ каждой винной и спиртовой бочки, по одному дну, и выпуститъ такимъ образомъ драгоцѣнный

напитокъ. Никакое краснорѣчіе Баруха и компаніи не могло склонить собратій шкловскихъ къ крайней мѣрѣ этой: всѣ единогласно предпочитали общественную пользу частнымъ, корыстнымъ видамъ Баруха, и доблестный мужъ сей рѣшился, въ отчаяніи своемъ, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ съ нашимъ пріятелемъ, Ицькою Гобелемъ, рѣшился взять приступомъ осаждаемое укрѣпленіе, рѣшился изгнать изъ крѣпости гарнизонъ. Весь кагалъ шкловскій, нѣсколько сотъ жидовъ, столпились передъ подваломъ; жидовки и жиденята сущимъ ярмаркомъ окружали ихъ; говоръ, крикъ, шумъ, гамъ и гармидаръ заглушалъ самую мысль, не только рѣчь. Стали общими силами выламывать дверь подвала. Ицька и Барухъ запаслись пуками соломы, которую хотѣли разложить и зажечь въ подвалѣ, чтобы выкурить нечестиваго цыгана. Неугомонная куча волновалась, засучивъ рукава, наставляла костлявыя руки, чтобы вцѣпиться въ ожидаемаго гайдамака; дальнѣйшіе всѣми силами тѣснились и

старались приблизиться, и ближайшіе къ дверямъ подвала, образовавшіе сначала полукругъ, сколько ни упирались голыми пятками, сколько ни толкались локтями, сколько ни горячились, ни кричали шварцъ юръ! были наконецъ, общимъ напоромъ, сбиты съ позиціи, и до того прижаты къ дверямъ подвала, что, когда онѣ наконецъ съ громомъ раздались, то нѣсколько десятковъ жидковъ полетѣли черезъ голову кубаремъ считать ступени. Въ это–то критическое мгновеніе выскакиваетъ изъ подвала, съ неистовымъ ревомъ, голый, какъ мать на свѣтъ родила, цыганъ. Будучи окруженъ и осаждаемъ многочисленнымъ непріятелемъ, употребилъ онъ небольшую военную хитрость: онъ раздѣлся до–нага, бросилъ рубище свое, нашелъ въ подвалѣ кусокъ сала, и вымазался имъ съ ногъ до головы: сотни рукъ хватались за него со всѣхъ сторонъ; онъ вывертывался, нырялъ подъ нихъ и прыгалъ чрезъ нихъ, отпускалъ заушины вправо и влѣво: всѣ руки скользили по гладкому, насаленному

тѣлу его; онъ какъ вьюнъ увивался, и благополучно достигъ чистаго поля.

Когда Ицька, съ разбитой головой, поматывая пейсиками и потирая затылокъ, приплелся во свояси, то батракъ Иванъ сказалъ ему: «Ну братъ Ицька, пару коней своихъ, чалую да рыжую, купилъ ты, и заплатилъ за нихъ деньги, за каждую по два раза; что–то будетъ, дастъ Богъ доживемъ, съ третьей; а эти двѣ твои, безспорныя!»

Похожденіе одинадцатое.

Я еще бездѣлицы не договорилъ: не досказалъ еще всей бѣды, которую цыганъ причинилъ жителямъ Шклова, выскочивъ звѣремъ дикимъ изъ подвала. Вы знаете, что у насъ, въ любомъ городѣ, стоитъ только кому нибудь остановиться на улицѣ, да поглазѣть пристально на одно мѣсто, хотя бы и вовсе нечему было дивиться; — такъ въ ту же минуту пристанетъ другой, третій, пятый и десятый, и соберется народъ въ кучу, самъ не зная для чего. Итакъ, можете вообразить, сколько сбилось люду жидовскаго въ Шкловѣ передъ

виннымъ подваломъ Баруха фиръ–Мадеры, гдѣ совершалось событіе столь необычайное. Подвалъ Баруха стоитъ на углу большой улицы, на одинъ переулокъ не доходя до базара. Всѣ жидовки, которыя отправлялись ранымъ–ранешенько на базаръ съ бубликами, съ орѣхами, съ пряниками, съ кавунами, съ калачами, съ бисеромъ, съ нитками и тесемками, съ сельдями, съ молокомъ, съ цыбулею, съ горохомъ, съ маковниками — всѣ столпились около мужей и сродниковъ и толкались съ горшками своими, лотками, раскидными столиками, кувшинами и ручными тележками; другіе гнали коровъ и телятъ на выгонъ, на встрѣчу первымъ, и остановились противъ подвала съ коровами и съ телятами; тутъ же толкались мѣнялы, жидки съ мѣшками мѣди и серебра; жиденята съ баранами, съ индѣйками, съ утками, съ курами; все это сбилось, туго на туго, вокругъ подвала. Теперь, вообразите себѣ этого цербера, цыгана, лютаго барса, выскочившаго изъ подвала и мечущагося неистово во всѣ стороны! Сколько

передавленныхъ утокъ, жиденятъ и индѣекъ! Сколько разбитыхъ затылковъ, глечиковъ и кувшиновъ! Сколько гороху и намистья просыпано, сколько маковниковъ и орѣховъ и жидовокъ затоптано! Лотки и телята, курицы и жидовки, мѣшки и мѣнялы — все это летитъ другъ на друга, другъ черезъ друга, все это кричитъ и визжитъ, все голоситъ въ голосъ.... При этомъ–то случаѣ нашъ бѣдный Ицька воротился домой, съ подбитыми глазами, съ разбитымъ затылкомъ, съ перекушеннымъ пальцемъ, съ выбитымъ зубомъ въ карманѣ, — онъ поднялъ его и сохранилъ; а кромѣ всего этого, онъ едва собралъ и примчалъ домой нѣсколько лоскутковъ чернаго демикотону — это были бренные остатки покойнаго халата или кафтана его. — Онъ, бѣдняга, былъ такъ изуродованъ потому, что попался на бѣду въ два огня, или, лучше сказать, въ цѣлый рядъ огней: во первыхъ, полетѣлъ онъ, обще со снопами соломы и съ Барухомъ фиръ–Мадерою, въ подвалъ; а въ подвалѣ томъ были ступени бѣлокаменныя; во

вторыхъ, ошалѣвшій Барухъ выместилъ, тутъ же въ подвалѣ, всю неудачу свою на немъ, на Ицькѣ; въ третьихъ, досталось ему вскользь и отъ цыгана; въ четвертыхъ, попался онъ, вылѣзая изъ подвала, въ рукопашную схватку, и здѣсь–то ему соорудили памятникъ, волдырь въ два кулака со пригорками, благословивъ складнымъ, дубовымъ столикомъ по затылку. «Шварцъ юръ!» приговаривалъ Ицька дома, «чтобъ на васъ, на каждаго, по три лихоманки, по двѣ сухотки на брата! Чтобъ на васъ стонадцать мѣшковъ проказы ветхаго завѣта!»

Между тѣмъ смѣлые жидки стали по немногу заглядывать въ подвалъ, и запальчивый Барухъ едва не поплатился жизнію за неустрашимость свою. Онъ едва не утонулъ въ подвалѣ, въ собственной фиръ–Мадерѣ своей, которую извергъ цыганъ выпустилъ изъ бочки, равно какъ и всѣ прочіе драгоцѣнные напитки шкловскаго хлѣбныхъ и рейнскихъ винъ промышленника и фабриканта.

Еще не успѣли опамятоваться, ниже пособить горю, какъ обнаружилась бѣда несравненно горшая: волною сложнаго напитка, которому и самъ Барухъ затруднился бы дать приличное названіе, прибило къ берегу, къ ступенямъ каменнымъ.... о ужасъ! прибило и выкинуло кусокъ свинаго сала!! Если бы хозяинъ подвала былъ не Барухъ, то его безъ всякаго милосердія побили бы каменьями. Описать невозможно, какую тревогу надѣлалъ этотъ кусокъ сала, когда его вынесли, наткнувъ на длинную трость, изъ подвала. Слѣдовательно цыганъ вымазался свинымъ саломъ; а слѣдовательно всѣ жидки, которые хватались за него и съ него обрывались, опоганились свинымъ саломъ! Розысканіямъ не было бы конца, если бы не обнаружилось, что свиное сало попало въ подвалъ чрезъ наймычку Барухову, Одарку, которая припасла этотъ лакомый кусокъ для своего возлюбленнаго Остапа, на дняхъ ожидаемаго обратно съ чумакованія.

Похожденіе двѣнадцатое.

Ицька сидѣлъ дома, холился да отмалчивался, но взыгралъ душой и возрадовался сердцемъ, когда услышалъ, что жидки оскоромились намедни свинымъ саломъ. «По дѣломъ вамъ», сказалъ онъ, «собачьимъ душамъ; за что вы ободрали меня, да убили до полусмерти? Чтобъ вамъ лихо стало, чтобъ на васъ пеня московская; чтобы вамъ сорокъ разъ подавиться однимъ кускомъ свинаго сала!»

Между тѣмъ, пришедшій недавно въ Шкловъ на квартиры, изъ Кіевской губерніи, гусарскій полкъ выступалъ на ученье, и проходилъ съ трубачами мимо Ицькинаго домишка. «Сѣдлай мнѣ куцую!» закричалъ Ицька батраку Ивану; «сѣдлай; поѣду имъ на зло, смотрѣть на ученье. Пусть увидятъ, что я живъ и здоровъ. А чи стрѣлять будутъ?» спросилъ онъ деньщика, стоявшаго у воротъ. — Какъ же, — отвѣчалъ тотъ, — будутъ, боевыми зарядами, по жидкамъ, коли шапокъ не снимутъ. — «А подивиться съ далеку вольно?» — Вольному воля, — отвѣчалъ

тотъ, — а нашего брата заставляютъ не-хотя. — «Сѣдлай швидко», продолжалъ жидокъ; «маме, подай поясъ да шляпу!» Самъ посмотрѣлся, вмѣсто зеркала, въ налощенный рукавъ чернаго халата своего, оправилъ ермолку, надѣлъ широкополую шляпу, взялъ длинную камышевую трость съ наконечникомъ, приподнялъ указательнымъ перстомъ стоптанные задники башмаковъ, взвалился на куцую, и пустился на плавномъ рысакѣ. Но плаваніе его длилось благополучно почти только до сборнаго мѣста, за городомъ, гдѣ учился полкъ. Мы знаемъ довольно подробно родословную двухъ клячъ Ицькиныхъ, чалой и рыжей, купленныхъ имъ вторично у пріятеля нашего цыгана, одной на бердичевской ярмаркѣ, послѣ небольшой передѣлки, а другой, здѣсь, въ Шкловѣ, послѣ перекраски. Но о куцой его доселѣ ничего не сказали, ожидая на это урочнаго часу: онъ теперь насталъ. Слушайте же: куцая эта не родилась куцою, но красовалась, во время оно, хвостомъ, наравнѣ съ подругами своими. Она

отслужила два срока подъ трубачами пришедшаго нынѣ въ Шкловъ гусарскаго полка, была выранжирована, назначена въ продажу, отправлена на подножный кормъ и тамъ украдена и перепродана, чрезъ десятыя руки, нашему Ицькѣ. Гдѣ именно и у кого она бывала, не знаемъ; но хвостъ, обрубленный по самую рѣпицу, равно и нѣкоторыя другія подправки, починки и передѣлки, заставляютъ насъ подозрѣвать, что она едва–ли миновала рукъ нашего бородатаго цыгана. Теперь, уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, находилась она въ вѣдѣніи Ицьки.

Уже при самомъ началѣ ученья, куцая наша стала подъ жидкомъ необыкновенно ловко разыгрываться; она курбетировала, ржала и примыкала то въ бокъ, то въ сторону, то вправо, то влѣво. Ицька тпрукалъ, храбрился и красовался между многочисленною толпою зрителей, но едва могъ справиться. Казалось, куцая понимала командныя слова не хуже взводныхъ и фланговыхъ, вертѣла хвостомъ, ртачилась и рвалась въ строй. Когда же наконецъ,

послѣ построенія шести эскадроновъ фронтомъ, послѣ команды: стой, смирно, выровняться, грянуло роковое: маршъ, маршъ! и полкъ понесся, во весь духъ, въ атаку, оглушая топотомъ отдаленныхъ зрителей, и поднявъ столпъ и тучу пыли на ближнихъ — тогда куцая не стала слушать ни тпру, ни ну, ни ляжекъ, ни поводьевъ, а закусила удила и помчала Ицьку стрѣлой, къ краснoперымъ музыкантамъ; она втерлась между 2–мъ и 3–мъ трубачами, и заняла, насильственнымъ образомъ, старинное мѣсто своѣ: третье съ флангу. Ицька потерялъ путемъ–дорогою равновѣсіе, потерялъ башмаки, шляпу; полы лаковаго халата его извивались чернымъ знаменемъ на воздухѣ; онъ въ ужасѣ уперся ногами сильно въ стремена, замоталъ обѣ руки въ поводья, и длинную камышевую трость свою прижалъ, со страху, накрѣпко подъ правой мышкой. Въ этой–то грозной позиціи налетѣлъ онъ, съ тылу, на трубачей; ударилъ третьяго человѣка задней ширинги концемъ трости своей въ спину, подъ лопатку, да такъ, что

тотъ, ни думавъ, ни гадавъ нападенія съ тылу, полетѣлъ съ коня, какъ овсяный снопъ. Ицька, когда куцая съ натиску влетѣла въ тѣсно сомкнутые ряды трубачей, стерла его и ссадила чрезъ забедры, очнулся и перевелъ духъ — опять сидя, и даже верхомъ, да только не на куцой; онъ, слетѣвши черезъ голову назадъ, сѣлъ верхомъ на слетѣвшаго предъ тѣмъ черезъ голову впередъ и настигнутаго имъ трубача; на того самого, котораго ссадилъ съ коня богатырскимъ ударомъ копія.

Когда трубачъ стряхнулъ жидка съ плечъ, окрестился, опамятовался, спросилъ, собравшись съ духомъ: отколѣ его лѣшій принесъ? однимъ словомъ, когда дѣло объяснилось, тогда мнѣ безъ божбы, надѣюсь, въ долгъ повѣрятъ, что бѣдному Ицькѣ все это не обошлось даромъ. Но это бы все еще не бѣда: я сказалъ уже, что Ицька за толчкомъ не погонится; что ему, напротивъ, случалось неоднократно вынудить, изъ вспыльчиваго противника своего, нѣсколько заушинъ и подзатыльниковъ, подзадоривая и

притравливая его самъ на себя: «а ну, ну, ударь; а ну, не смѣешь; а ну, ну! а ну еще!» — И такъ, это бы не бѣда, что трубачъ помялъ его, да повертѣлъ въ лапахъ, а сбылось надъ нимъ еще и слѣдующее, весьма непріятное для Ицьки приключеніе: выранжированнаго и украденнаго музыкантскаго коня въ полку немедленно признали; добрались по немъ и до нынѣшняго хозяина, отняли у него куцаго конька, посадили въ полицію, и освобожденіе стоило ему ровно остальныхъ двухъ некуцыхъ коней: чалаго да рыжаго. Когда же измученный и застращенный судомъ и расправою Ицька тащился, украдкою, подстѣнками, домой, и увидѣлъ мимоходомъ, на полковомъ дворѣ жителей Шклова въ сборѣ, и когда они сказали ему, что собрались, по вызову полковника, для покупки съ молотка выранжированныхъ коней; когда батракъ Иванъ прибавилъ, что въ числѣ сихъ коней поступитъ въ продажу и наша куцая, и что поэтому Ицькѣ предстоитъ случай купить и эту, третью лошадь свою, по другому разу — тогда

раззорившійся въ пухъ Ицька нашъ горько заплакалъ, надвинулъ шляпу на глаза, и пошелъ, неостанавливаясь, скорыми шагами домой, зарекаясь въ душѣ своей: не обзаводиться болѣе экипажемъ!

Похожденіе тринадцатое.

Событіе, лишившее Ицьку вороватаго всѣхъ трехъ коней его, и содѣлавшее его пѣшимъ, ознаменовываетъ эпоху, отъ коей начинается новый періодъ жизни нашего героя: современный сему несчастію неудачный оборотецъ запрещеннымъ товарцемъ, рѣшилъ судьбу его; онъ сдѣлался торгашемъ несостоятельнымъ, лишился всего имущества и былъ принужденъ итти служить, ѣсть чужой хлѣбъ, заработывать каждый кусокъ изъ чужихъ рукъ. У насъ это дѣлается очень просто: нанимаются, за извѣстную плату, поденно, помѣсячно, служатъ или работаютъ. У жидовъ не то, и не такъ. Ицька вороватый, на котораго бѣду гусары пришли въ Шкловъ, изъ этой же бѣды извлекъ и возможную, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, пользу: онъ пустился въ

факторы. Что такое жидъ факторъ? это трудно объяснить; услужливое, навязчивое, нахальное и трусливое, неотступное твореніе, которое бѣгаетъ, сломя голову, весь Божій день по городу, по мѣстечку, и добываетъ, для васъ, форменной пуговки; для меня сухой ваксы; для иного, золотообрѣзной бумаги, для другаго какой нибудь прихотливой матеріи на халатъ, для третьяго гитару, для четвертаго помадки для усовъ, и для другихъ причинъ — словомъ, это посредникъ, для всего, что только терпитъ посредничество. Явно, что проѣзжіе и офицеры наиболѣе нуждаются въ этихъ cicerone, проводникахъ, коммисіонерахъ и прислужникахъ; а потому они въ особенности толпятся въ трактирахъ и заѣзжихъ домахъ. Вамъ, проѣзжему, стоитъ здѣсь только заикнуться и спросить какую нибудь вещицу, чтобы накликать на себя и занимаемый вами номеръ цѣлое море, цѣлое наводненіе жидовъ–факторовъ. Если же вы неумолимы, если сердце у васъ каменное и вы отнюдь не хотите ничего ни заказать, ни купить, ни приказать; если

перстеньки и сережки, запонки и застежки, камни и печатки, трубки, чубуки, гребни и перчатки, не могутъ васъ тронуть и прельстить — тогда отчаянные факторы обыкновенно рѣшаются на крайнее средство: они надоѣдаютъ вамъ неотвязчивостію и нахальнымъ безстыдствомъ своимъ до того, что выведутъ изъ терпѣнія и непремѣнно заставятъ выкинуть одного изъ нихъ въ дверь или въ окно, а потомъ они вынудятъ за это что нибудь на водку. Съ этими–то факторами въ особенности дѣятся всѣ чудеса, которыя я, къ сожалѣнію моему, уже описалъ въ 10–й главѣ этой сказки; имъ бы здѣсь поприличнѣе нашлось мѣсто, потому–что Ицька испыталъ все это на себѣ: и бороду ему припечатывали къ столу, и опаивали рвотнымъ, и дарили раскаленные пятаки, и посылали цѣлые сутки отъ офицера къ офицеру за небывалой книжкою: гони зайца впередъ — все, все это и поболѣе того, испыталъ, говорю, Ицька, когда весельчаки гусары собирались за трубками, да за бутылками —

а у нихъ и въ заводѣ не было пить стаканами — собирались побесѣдовать, да погулять и посылали вечеркомъ за факторами....

Такъ, напримѣръ, пришелъ онъ однажды, не знаю, званый или незваный, рано утромъ, къ грозѣ жидовъ, богатырю полка, поручику такому–то. «Отъ тебя», зарыкалъ поручикъ, «бестія, немытая борода, нечестивая утроба, отъ тебя опять несетъ чеснокомъ!» Ицька струсилъ такъ, что поблѣднѣвъ болѣе камчатной скатерти, стоялъ и похлопывалъ глазами..... «Отъ тебя, что ли, говори, помойная яма?» — Нѣтъ, ваше благородіе, ей Богу нѣтъ, не отъ меня! — «Отъ кого же бестія, отъ меня, что ли? Насъ здѣсь только двое; говори, отъ кого?» — Отъ собаки — отвѣчалъ жидокъ, ни живъ ни мертвъ..... «Какъ, отъ собаки? Отъ какой? гдѣ она?» — Она сейчасъ придетъ, — сказалъ жидъ увѣрительно, успокоивая разъяреннаго мужа брани.

Однажды далъ онъ офицеру взаймы два червонца, подъ росписку. Росписка эта его

мучила, не давала ему покою, горѣла въ карманѣ; онъ надоѣлъ должнику, намеками и загадками, еще до истеченія срока. Наконецъ срокъ кончился. Ицька является, офицеръ говоритъ напрямки и на отрѣзъ, что онъ сегодня заплатить не можетъ ни шелега, но обѣщаетъ чрезъ нѣсколько дней расплатиться съ избыткомъ. Ицька не сказалъ бы ни полслова, если бы у него не было росписки..... но она его подстрекаетъ и жжетъ въ карманѣ и колетъ иглами..... Онъ до того взбѣсилъ должника–гусара, что вывелъ его вовсе изъ терпѣнія; тотъ заперъ дверь на замокъ, приставилъ жиду пистолетъ ко лбу, и заставилъ разорвать, разжевать и съѣсть росписку свою, до послѣдняго лоскутка, далъ запить рюмкою водки и отпустилъ домой. Проходитъ недѣля, — гусаръ призываетъ Ицьку вороватаго и расплачивается съ нимъ щедро и великодушно. Ицька внѣ себя отъ умиленія и благодарности, онъ предлагаетъ услуги свои, наличныя деньги, и самого себя, во всегдашнее милостивое распоряженіе. Проходитъ еще недѣля, и

тому же гусару дѣйствительно понадобились деньжонки; за кѣмъ не водилось грѣха, что иногда скоренько, окаянныя, уходили! «Ицька, дай денегъ!» Ицька принесъ все, что у него было. Офицеръ взялъ ихъ, сосчиталъ, сѣлъ, и взялъ перо и бумагу. Ицька остановилъ его подобострастнымъ тѣлодвиженіемъ и скромнымъ вопросомъ: «Что онъ это хочетъ дѣлать?» — Написать росписку. — «Росписку? на что же? Боже мой! нѣхъ мнѣ панъ бугъ броне! Якъ пана кохамъ! Ваше благородіе, избавьте отъ этого; на что? Я пану вѣрю и такъ!» Но когда неумолимый должникъ настаивалъ рѣшительно, чтобы Ицька, на всякій случай, принялъ росписку, то вороватый жидокъ нашъ досталъ изъ за пазухи бѣлый четыреугольный пряникъ, товаръ, которымъ, какъ мы уже видѣли, торговала Хайка его, и просилъ убѣдительно написать по крайней мѣрѣ росписку на этомъ пряникѣ.....

Однажды послали его съ запискою: поди Ицька, на базарѣ, противъ колодезя, въ

домѣ Шмуля Рафаловича, живетъ пріѣзжая изъ Бродъ молодая вдова Карлсонъ; отдай ей, въ собственныя руки, эту записку. Ицька бѣгалъ, бѣгалъ, воротился высунувши языкъ: нѣту, говоритъ, не нашелъ. Его прогнали взашей, и велѣли найти непремѣнно. Проходитъ часъ, другой, наконецъ Ицька нашъ является: отдано. «Да только не мудрено», говоритъ, «что я долго искалъ; вы мнѣ не такъ сказали....» — Какъ не такъ? — «Да она живетъ не на базарѣ, не противъ колодца, а за угломъ Барухова погребка; не у Шмуля Рафаловича, а у Шлемки Барковича; пріѣхала не изъ Бродъ, а изъ Лемберга; зовутъ ее не Карлсонъ, а Михельсонъ, да притомъ, признаться, это не вдова, а это сударь, оптикъ механичный мастеръ....» — Ай да Ицька! вотъ разсыльный! — Взбѣшенный ротмистръ вскочилъ и закричалъ: «Пятьдесятъ нагаекъ велю тебѣ влѣпить, безтолковый негодяй!» — Сулили мнѣ не разъ и больше, — отвѣчалъ Ицька, ретируясь къ дверямъ, — да развѣ я дуракъ буду, что возьму.... И этою шуткою,

говорятъ, онъ на этотъ разъ отыгрался. Вообще у него за отвѣтами и отговорками дѣло не ставало; онъ увѣрялъ, что чортъ убилъ родную бабку свою за то, что у нее не стало отговорки. Напримѣръ, онъ приносилъ офицерамъ на заказъ вещицы на продажу, во всѣ дни недѣли, и въ субботу, въ шабашъ, что строго запрещено закономъ еврейскимъ. Если его спрашивали: какъ онъ можетъ браться въ этотъ праздничный день за работу, вопреки закону своему? — То онъ отвѣчалъ: «для меня это, пане, не работа, а повеселье!» Однажды спросили его: какъ жиды–ростовщики будутъ на томъ свѣтѣ Моисею отвѣтъ держать, отбирая гораздо болѣе указныхъ процентовъ, такъ, напримѣръ, самые умѣренные берутъ восемь? «За восемь не знаю, сказалъ Ицька, а за девять отвѣчать можно.» — Отъ чего? — «Глядя сверху, на оборотъ, не мудрено подумать, что это шесть.»

Однажды Ицька прибѣжалъ къ офицерамъ запыхавшись, и расказывалъ о неслыханномъ несчастіи. Одного жидка

загнали; онъ надорвался, затянулся и умеръ. Это, по его разсказу, случилось слѣдующимъ образомъ: офицеръ ѣхалъ проселкомъ, не достало лошадей, и онъ заложилъ въ пристяжку шинкаря Янкеля. Ну, хорошо, это ничего; Янкель везетъ; но этого офицеру мало, онъ его погоняетъ; ну, хорошо, и это ничего; офицеръ погоняетъ, да еще и кричитъ: завивайся, завивайся! Ну, хорошо, а Янкель, продолжалъ добросовѣстный разсказчикъ, Янкель былъ горячъ; онъ началъ завиваться на пристяжи, затянулся, надорвался и умеръ.

Похожденіе четырнадцатое.

Угождая то тутъ, то тамъ, прилаживая и подлаживая, Ицька разжился опять немного факторствомъ своимъ и начиналъ, продолжая впрочемъ и факторить, заниматься въ свободные часы торговлей. Помощникомъ его былъ теперь подросточекъ, сынъ его Манчестеръ. Надобно объяснить, отколѣ взялось это странное имя. Не задолго до родинъ наслѣдника сего, Ицька, отправляясь въ дорогу по тогдашнимъ дѣламъ своимъ,

наказалъ Хайкѣ настрого, чтобы новорожденному, буде это сынъ, наречено было имя Казимиръ. Прошла недѣля, другая, третья, Хайка благополучно разрѣшилась сыномъ, и тогда только вспомнила, что супругъ ея завѣщалъ наслѣднику имя, но никакъ не могла вспомнить, какое? Наконецъ въ тусклой памяти ея блеснулъ, какъ молнія, отрадный лучъ воспоминаній: завѣтное имя — припомнила она — служило названіемъ какой–то модной, для панталонъ, матеріи. Посовѣтовавшись съ портнымъ, съ Лейбою Гринберхомъ, рѣшили они вдвоемъ, что это долженъ быть Манчестеръ, итакъ новорожденное дитя воспріяло вмѣсто Казимира, имя Манчестеръ.

Однажды на улицѣ родины нашего героя произошла необыкновенная суматоха; это было рано утромъ. Ицька выскочилъ, на гвалтъ земляка своего, въ одной ермолкѣ, безъ кафтана, въ одной фуфайкѣ и съ заповѣдными цицлями[2], снурочками и тесемочками. Землякъ этотъ былъ разбитый на заднія ноги Гершка, у котораго

колѣни со дня на день стали болѣе подламываться, а память теряться: онъ кричалъ, что его обокрали. Какимъ образомъ? а вотъ какимъ: Онъ положилъ, собравъ послѣднiе поскребышки имущества своего, небольшой капиталецъ въ кованный ларецъ, и доставалъ оттолѣ ежегодно законные проценты; не смотря на то, оказался недочетъ въ капиталѣ, а слѣдовательно была учинена покража!

«Шварцъ юръ!» сказалъ Ицька, когда вся толпа захохотала: «дуракъ! А я выскочилъ неодѣтый, необутый, и не напившись чаю! Поди, Иванъ, чего стоишь? Поди и посмотри, чтобы самоваръ нашъ не ушелъ!» Батракъ Иванъ сходилъ, воротился и доложилъ, что самоваръ ушелъ. «Такъ накрой крышкой!» закричалъ Ицька. — И съ крышкой ушелъ! — продолжалъ Иванъ..... Самовара дѣйствительно уже не было на крыльцѣ: служивый мимоходомъ его сгребъ и уволокъ. Солдатъ, что багоръ: зацѣпилъ, такъ и потащилъ. Ицька въ свою очередь закричалъ: «Гвалтъ!» съ чадами и

домочадцами, но тщетно; самоваръ ушелъ невозвратно.

Около этого же времени, когда герой нашъ сталъ разживаться, понемногу мотать, пить чай и погуливать, сбылось съ нимъ и съ сыномъ его Манчестеромъ еще слѣдующее приключеніе. Въ Шкловъ прибыли русскіе актеры извѣстной во всей Украйнѣ трупы Штейна. Ицька пошелъ посмотрѣть на казака стихотворца и на Наталку Полтавку, и взялъ съ собою сына Манчестера. Онъ купилъ билеты въ партеръ: но къ несчастію это было время ярмарки и осеннихъ кучекъ, жидовскихъ праздниковъ. Толпа и толкотня у входа были неимовѣрны. Ицька попалъ на бѣду въ протокъ, имѣвшій направленіе свое, вопреки законовъ природы, въ гору, вверхъ, по лѣстницѣ, и прямо въ рай. Сколько онъ ни кричалъ, сколько ни упирался, ни толкался, его подхватило толпою, разлучило съ дѣтищемъ, вознесло подъ потолокъ, и Ицька, съ рублевымъ билетомъ въ рукѣ, принужденъ былъ стоять на полтинномъ мѣстѣ. Это все бы еще

ничего; но его въ непомѣрной тѣснотѣ оттерли отъ галереи, въ которую онъ цѣплялся и когтями и зубами, затолкали въ самый задній уголъ райка, обернули, протираясь около него, спиною къ зрѣлищу, и заклинили въ этомъ положеніи туго на–туго, такъ, что онъ не могъ пошевелиться. Ицька бѣсился, кричалъ, рвался, все втунѣ: чтобы увидѣть хотя малую долю всѣхъ чудесъ, надобно было ему оглядываться назадъ. Въ это время двѣ необычайныя проказы до того потрясли все зданіе хохотомъ, что штукатурка начала валиться съ потолка, и первый пластъ упалъ, разумѣется, на Ицькину голову. Проказы эти были слѣдующія: проѣзжій виртуозъ воспользовался нынѣшнимъ спектаклемъ, чтобы предстать впервые высокопочтенной публикѣ; онъ явился на сценѣ предъ начатіемъ зрѣлища, чтобы разыграть концертъ на серпанѣ. Я никому не совѣтую давать концерты на этомъ неблагодарномъ инструментѣ; если не вѣрите, то послушайте: оркестръ ударилъ въ смычки, тутти летитъ къ концу, виртуозъ

чопорно выступаетъ, раскланивается на три стороны, прикрываетъ пальцами отдушины неблагодарнаго инструмента, оборачиваетъ широкій раструбъ его къ зрителямъ, подноситъ косточку къ губамъ: оркестръ умолкаетъ, соло на серпанѣ должно поразить готовыхъ къ изумленію слушателей.... виртуозъ силится и жилится, багровѣетъ въ лицѣ — нагибается впередъ всѣмъ тѣломъ.... но все тихо — и только шепчетъ тишина.... Серпанъ молчитъ! Художникъ напрягаетъ послѣднія силы свои, либо панъ, либо пропалъ.... ужасный трескъ ударомъ поражаетъ слухъ зрителей, и что бы вы думали? грязная, мохнатая, жидовская шапка вылетаетъ изъ обращеннаго къ зрителямъ жерла серпана, описуетъ, по общимъ законамъ метанія тѣлъ, параболическую дугу надъ головами ихъ, поражаетъ оскользнемъ носы двухъ любопытныхъ членовъ благочинія, которые стояли на даровыхъ мѣстахъ, поражаетъ оборотившагося лицемъ ко входу Баруха фиръ–Мадеру въ спину, и упадаетъ съ покорностію къ его стопамъ. Зависть,

черная зависть изобрѣла эту неслыханную кознь: хотѣли уронить виртуоза и заткнули ему серпанъ жидовской шапкой! Этого бы довольно; но это еще не все. Когда первое изумленіе, причиненное неожиданною бомбардировкою, миновалось, когда всеобщій громкій хохотъ раздался въ привѣтствіе новаго художника, когда и въ райкѣ все народонаселеніе дружно и въ голосъ заржало, тогда одинъ изъ зрителей, смиренный поденщикъ Костромской губерніи, затесавшійся въ переднюю ширингу рая, въ иступительномъ восторгѣ своемъ уронилъ въ преисподнюю поярковую шляпу съ брусникой, и махнувъ за нею вслѣдъ рукой, закричалъ во всеуслышаніе: «бруснику–ту ѣшьте, да шляпу подайте!»

Теперь настало описанное мгновеніе: хохотъ зрителей потрясъ зданіе до основанія. Ицька, пораженный сверхъ того обвалившеюся штукатуркою, не могъ болѣе преодолѣть себя: онъ раскачалъ, сверх–естественными силами, окружавшую его толпу, взволновалъ ее, отдуваясь боками,

вывернулся, оборотился, уцѣпился въ обѣ лапы за плеча стоявшаго предъ нимъ дворецкаго, приподнялся на воздухъ, и дотолѣ моталъ и лягалъ ногами, желая найти для нихъ опору, покуда не попалъ наконецъ каждою ногою въ задній карманъ долгополаго сюртука или кафтана... Взмостившись такимъ образомъ, только началъ было онъ обозрѣвать жаднымъ окомъ всю преисподнюю, какъ возобновившееся волненіе толпы заставило долговязаго пономаря, въ карманъ котораго сталъ Ицька нашъ одною ногою, податься впередъ, а часоваго мастера Зенвеля Шварца, другую опорную точку Ицьки Гобеля, откачнуться назадъ, такимъ образомъ бѣдный Ицька совершенно утратилъ равновѣсіе, свернулся, грянулся затылкомъ, и едва не былъ разорванъ наполы неугомонною толпою, увлекшею пономаря и механика въ противныя стороны! Его спасла полиція; но онъ, высвободивъ измятыя, полусвихнутыя ноги свои изъ кармановъ двухъ поименованныхъ особъ, утратилъ невозвратно башмаки свои

и пошелъ домой, выпровоженный изъ театра въ зашей, босикомъ. Съ жалобою и плачемъ повѣдалъ онъ домашнимъ своимъ претерпѣнное имъ бѣдствіе, повѣдалъ, какъ онъ, съ рублевымъ билетомъ, стоялъ на полтинномъ мѣстѣ, и сверхъ того еще затылкомъ къ зрѣлищу, и считалъ пауковъ на потолкѣ райка — и наконецъ спросилъ сына своего Манчестера, каково ему удалось полюбоваться представленіемъ? Бѣдный Манчестеръ отвѣчалъ, что кромѣ шабашковаго свѣта[3] и базарной толпы, не видалъ онъ ничего. Онъ даже вовсе не попалъ во входъ театра, а простоялъ на улицѣ и только прислушивался по временамъ къ необыкновенному хохоту.

Похожденіе пятнадцатое.

Сказка наша началась ярмаркою и кончается ею же; это и пестро, и благовидно, и правдоподобно; особенно коли, какъ у насъ, лица жиды и цыгане, а мѣсто дѣйствія Подолъ или Украйна.

На ярмарку въ Шкловъ съѣхалось полтьмы съ потемками жидовскихъ брыкъ, и навезли со всѣхъ концевъ столько писемъ

и цыдулъ къ землякамъ и роднымъ своимъ, что на нихъ, сложивъ бумажный костеръ, можно бы сжечь любую кіевскую вѣдьму. Да, доставка писемъ черезъ жидовъ составляетъ значительный подрывъ почтовымъ учрежденіямъ. Между прочимъ пришло письмо и къ нашему пріятелю, Ицькѣ, которое извѣщало его о смерти какого–то дѣда и призывало въ Сквиру для полученія наслѣдства. Ицька едва не ряхнулся отъ этого извѣстія, а голова у него таки повихнулась. «Хайке, Ципе, Эстеръ! кимъ гиръ! маме, кимъ! Хайке, Ципе! Манчестерле, кимтъ, кимтъ! Чуешь, Ивашко, ходзь–ту, до мнѣ! Ходзьце ту, вшисци мои любы.» Такъ собиралъ и скликалъ онъ домочадцевъ, чтобы повѣдать имъ великую вѣсть. Онъ рѣшился, собравшись въ путь, купить лошаденку и отправиться немедленно къ покойному дѣду своему, въ Сквиру. Онъ вышелъ на ярмарокъ. Народъ столпился кружкомъ около какихъ–то скомороховъ. — Неистовыя пѣсни цыганъ раздавались подъ гудокъ, скрыпицу и цымбалы — бѣшеная

пляска ихъ приковала глаза зрителей. Кто не слышалъ цыганскаго напѣва и припѣва, кто не видалъ цыганъ въ пляскѣ, тотъ не знаетъ ни пѣсенъ русскихъ, ни пляски. Растолкуйте мнѣ, книжники и толковники всего поднебеснаго, отчего это заносное, блуждающее племя, со своими яркими, разительными, своенравными свойствами души и тѣла, отчего, говорю, цыгане столь самобытны и постоянны, и въ тоже время до такой степени пріурочились и обрусѣли, что собственно въ народномъ быту, въ сказкахъ, пляскахъ, пѣсняхъ и поговоркахъ, превзошли народностію истинно русскою коренныхъ русаковъ?

Цыгане подъѣзжаютъ, Богъ вѣсть откуда, и присутствуютъ на каждой ярмаркѣ, также неизбѣжно, какъ нагорная, снѣжная вода при вешнемъ полноводьѣ. Трудно опредѣлить, что они дѣлаютъ, чѣмъ существуютъ — но они всегда убираются съ ярмарки сытыми и одѣтыми.

Ицька протолкался сквозь толпу зрителей и увидѣлъ ловкаго, молодаго парня въ красной рубахѣ, съ торбаномъ въ

рукахъ, бѣснующагося въ присядку. Онъ и пѣлъ, и присвистывалъ, и игралъ и щелкалъ, и плясалъ и приговаривалъ. Другіе подыгрывали на скрыпицѣ, на цымбалахъ; бабы и дѣвки вторили странно и дико, припѣвали и заливались рѣзкими, звонкими голосами, но безошибочно держались созвучія, и никогда не сбивались съ ладу. — Между тѣмъ двое или трое другихъ цыганъ и цыганокъ толкались промежъ народа и не давали маху, коли гдѣ что плохо лежало; тотъ, который плясалъ, пѣлъ и приговаривалъ въ ладъ и въ мѣру изрѣченія, подобныя какой нибудь обыкновенной, разгульной пѣснѣ, но въ сущности содержащія на тотъ разъ приспособленныя, для товарищей и сотрудниковъ своихъ, наставленія; такъ напримѣръ, сдѣлалъ онъ первый дѣльный переходъ вотъ какой:

Ой жги, да не зѣвай — говори поглядывай;

А вонъ шапочка лежитъ, вонъ и аленькая...

А вонъ поясъ–кушачекъ — вонъ и шелковый…

Потомъ, намекая на возъ, на которомъ хозяинъ въ сѣрой свиткѣ, съ длиннымъ батогомъ, вывезъ на базаръ всякихъ съѣстныхъ припасовъ, а самъ стоялъ разинувъ ротъ, цыганъ бородатый — а это дѣйствительно былъ онъ, пѣлъ:

Ой крупъ навезли, да и гречневыхъ; —
Ты греби ихъ загребай, хозяина поминай,
Да и того–то не забудь, чего въ кашу–ту кладутъ….

Замѣтивъ же, что товарищъ его подбирался къ конямъ жидовскимъ, кричалъ онъ, выплясывая ногами дребедень:

Ой мерина бери, сивогриваго бери;
А гнѣдаго не бери, онъ негоденъ никуды.

А наконецъ, когда цыгане нагрузили уже два мѣшка верхомъ, такъ, что некуда было класть товаръ, а ротозеи наши все еще не оглядывались, а до того брылѣ распустили,

что не видѣли и не слышали ничего, кромѣ пѣсни да пляски цыганской, то подалъ онъ товарищамъ–сборщикамъ благой совѣтъ въ этой крайности:

Ой бабьи рубашки — да и тѣже мѣшки:
Рукава–тѣ завяжи — да что хочешь положи!

Пляска кончилась, цыгане разбрелись, народъ хохоталъ долго за ними вслѣдъ, а когда обратились къ возамъ и припасамъ своимъ, да спохватывались того и другаго — то уже не было ни суда ни расправы.

Ицька Гобель до того восхитился пляскою и пѣснями, что забывъ козни пріятеля своего, цыгана бородатаго, и думая только о наслѣдствѣ своемъ, запилъ съ нимъ мировую, ударилъ по рукамъ и купилъ у него иноходца — а жиды охотники до иноходцевъ — ѣхать за наслѣдствомъ въ Сквиру. Иноходецъ этотъ впрочемъ никогда не бывалъ иноходцемъ, но цыганъ бородатый, который кажется съумѣлъ бы и деревяннаго или пряничнаго конька обратить, на часъ продажи, въ арабскаго жеребца, — наѣздилъ проданную жиду

клячу, стреноживъ ее, то есть, спутавъ ей три ноги, и такимъ образомъ вынудилъ изъ нея какую–то искусственную, шаткую и валкую рысь, названную имъ иноходью. Еврей нашъ скоро будетъ разочарованъ: иноходь эта, что ведряная погода подъ Питеромъ, болѣе дня не стоитъ.

«Янка! Яне! Иванъ! вставай, мое сердце, я купилъ коня; закладывай, да поѣдемъ въ Сквиру.» — Разумна голова, якъ дижа, — отвѣчалъ батракъ, почесываясь, купилъ на ярмаркѣ, у цыгана, того гляди, что опять краденая. — «Того–то я и боюсь», отвѣчалъ Ицька, «отъ того и тороплюсь и погоняю: запрягай, да поѣдемъ, покуда не доискались.» Сѣли да поѣхали.

Похожденіе шестнадцатое.

Ночь до разсвѣта проѣхали они благополучно. Заря заиграла и холодный утренникъ, морозецъ, пронялъ нашего Ицьку до–синя. Батракъ спалъ, рядомъ съ нимъ лежа, какъ тюлень. Насилу хозяинъ его добудился и сказалъ: «Иванъ, пора спочинуть, то есть отдохнуть, скажи–ка нашему коню тпру!» — А ты самъ что? —

спросилъ Иванъ. «Губы замерзли», отвѣчалъ Ицька, у котораго зубъ на зубъ не попадалъ. Иванъ тпрукнулъ, кони стали у корчмы, и ихъ покормили; насилу опять впрягли упрямую клячу въ тележонку и ѣхали, поматывая кнутикомъ, до обѣда, а потомъ и до вечера, и остановились ночевать въ корчмѣ, подъ огромнымъ навѣсомъ. Хозяинъ легъ на тележку, батракъ подъ тележку, и захрапѣли. Съ разсвѣтомъ Ицька проснулся, перевернулся на брюхо, высунулъ голову чрезъ край плетеной заспинки, и началъ окликать батрака: «Иванъ! А Иванъ! Яне, Янка? Иванъ! Сердце!..... Ивашка, чуешь! Иванъ! а Иванъ! Ванька! Иванъ, а Янка!...» Надобно было удивляться хладнокровію, тупому равнодушію, и какой–то лѣни въ холѣ, которая начитывала три четверти часа сряду: «Иванъ и Яне», измѣняя имя это по всѣмъ степенямъ сравненія и причудамъ употребленія. Но когда наконецъ нельзя было докликаться Ивана, жидокъ нашъ перевернулся на бокъ и уснулъ. Полчаса спустя началась та же комедія. Заѣзжій

хохолъ спросилъ наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія: «кого винъ у биса кличе? бо тамъ пидъ возомъ, не мае никого!» Ицька вдругъ поспѣшно соскочилъ и увидѣлъ, что Ивана не было. Онъ бѣжалъ ночью, унесъ тулупъ жидовскій и вытянулъ у соннаго жида изъ кармана кожаную кису съ деньженками — виноватъ, съ черепками.

Можетъ быть въ другое время это привело бы Ицьку въ отчаянье; но теперь, когда онъ ѣхалъ за богатымъ наслѣдствомъ, оказалось на дѣлѣ все мужество великой души его: онъ началъ, прикусивъ языкъ, собираться въ путь и не уронилъ ни словечка. По временамъ только хватался онъ за карманъ и покачивалъ головой. Строптивый иноходецъ долго противился волѣ новаго хозяина своего; привыкнувъ къ сѣдлу, неохотно подставлялъ онъ голову подъ хомутъ. Но Ицька вразумилъ его: онъ ухватилъ плетку и началъ стегать иноходца, приговаривая: «Вертись, шкура, голова до хомута! Вертись, повертывай голову до хомута!»

Ицькѣ оставалось немного ѣзды, но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе разгаралось ретивое, тѣмъ болѣе онъ гналъ. Стало смеркаться и иноходецъ присталъ, присталъ — за полверсты до мѣстопребыванія покойнаго дѣда Ицьки Гобеля. Ицька билъ иноходца своего, стегалъ его, кричалъ, понукалъ, манилъ его сѣнцомъ и травкою — все тщетно: сталъ какъ вкопаный. Тогда Ицька вышелъ изъ терпѣнія, отложилъ его, привязалъ, въ наказаніе, за–поводъ, позади бриченки, самъ ухватилъ оглобли, потянулъ телегу въ упоръ по дорогѣ, и только иногда и оглядываясь назадъ, на коня, ворчалъ про себя: «Не хотѣла, бисово дзѣцко, ѣхать въ телегѣ — такъ ступай пѣшкомъ!»

Огоньки родной Сквиры свѣтились уже не вдалекѣ; Ицька спускался подъ гору къ мѣстечку; сердце у него прядало и стучало въ слухъ. Кому случалось проѣзжать Сквиру, тотъ, можетъ быть, припомнитъ, что у въѣзда есть пустопорожняя застава, будка и шлагбаумъ, при которомъ на все время, когда городъ не занятъ постоемъ, не

бываетъ ни души. Ицька подъѣхалъ почти вплоть къ заставѣ, когда его окликнули: «Стой! отколѣ ѣдешь?» По жидовской привычкѣ, Ицька на это отвѣчалъ вопросомъ же: «А? что?» — Отколѣ ѣдешь? — повторилъ тотъ же голосъ. «Отколь я ѣду?» — Да, да, отколѣ ѣдешь? — «Кто я?» — Да, ты? — «Я ѣду изъ Шклова.» — Такъ поди сюда, записаться, — сказалъ часовой. Ицька сталъ подходить — никого не видать; обошелъ будку, все темно и пусто; шлагбаумъ опущенъ и придавленъ вплоть къ землѣ, парою тяжелыхъ каменьевъ. Сообразивъ все это, Ицька весьма справедливо заключилъ, что кто нибудь надъ нимъ вздумалъ подшутить и вѣроятно скрылся. Онъ подошелъ къ шлагбауму, чтобы поднять его и очистить себѣ дорогу, сѣлъ верхомъ на брусъ и началъ сворачивать тяжелые каменья. Лишь только еврею, въ которомъ было вѣсу не болѣе, чѣмъ въ кошкѣ его, удалось это исполнить, какъ короткое плечо рычага взяло перевѣсъ, облегченный же длинный конецъ

шлагбаума быстро взмахнулъ къ верху и нашего жидка приподняло, какъ дрозда на лучкѣ; Ицька Гобель, наслѣдникъ покойнаго дѣда своего, возсѣдалъ верхомъ, выше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго, среди неба и земли, и завывалъ, въ темную холодную ночь, жалобнымъ, протяжнымъ напѣвомъ, оглашая пустынное поле воплемъ, издалека подобнымъ ночному оклику неискуснаго часоваго.

Цыганъ бородатый выскочилъ изъ за будки, отвязалъ своего иноходца, сѣлъ на него, свиснулъ, поплелся и закричалъ Ицькѣ: «Прощай, братъ Ицька, жди пожди Мессію! Это тебѣ и твоимъ за плутни ваши, за разбой чужихъ кармановъ, за подмѣнъ грошей копейками да шелегами!»

Сказывать ли еще, какъ жители Сквиры подоспѣли, однако же не прежде разсвѣта, на плачъ Ицькинъ, какъ спускали его, по дрючкамъ, веревкамъ и лѣстницамъ, съ шлагбаума, и при этомъ и сами попадали и ему ногу выломили? Какъ строгій дѣдъ его, который, на зло бѣдному наслѣднику, живъ еще и поднесь, первый поднялъ камышевую

трость на блуднаго, шальнаго внука, и прочее, и прочее, и прочее? Кажется, будетъ, и довольно; что слушать, то и сказывать, всякому любо и вольно, да пора и честь знать, пора дать роздыхъ и вамъ, дѣтки, да и Ицькѣ; онъ измучился, а вы устали — а мы сказку свою досказали!

В. ДАЛЬ

[1] Прѣсныя лепешки.

[2] Цицли висятъ у каждой жидовской фуфайки подъ кафтаномъ — они, кажется, напоминаютъ имъ время плѣна и служатъ вмѣсто четокъ при молитвѣ.

[3] Жиды въ шабашъ зажигаютъ множество сальныхъ свѣчей, на высокихъ, щегольскихъ, мѣдныхъ подсвѣчникахъ.